Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 330 (6576) | 1 декабря 1935 г., воскресенье | ЦЕНА 10 КОП.

Памяти пролетарского вождя, пламенного трибуна коммунизма, незабвенного друга и учителя трудящихся —
Сергея Мироновича Кирова,
павшего от рук заклятых врагов социалистической революции

ГОДОВЩИНА ЗЛОДЕЙСКОГО УБИЙСТВА С. М. КИРОВА

ОБРАЗ ЕГО БУДЕТ ЖИТЬ СТОЛЕТИЯ!

Год назад перестало биться пламенное сердце Сергея Мироновича Кирова. Пуля, выпущенная рукой коварного и трусливого врага, оборвала героическую жизнь, о которой народы слагают все более чудесные песни. От ученических лет до последней минуты Киров боролся, мыслил, страдал, горел великим огнем социалистической революции. *Его жизнь станет лучшим образцом и идеалом для нашей молодежи*, — так велика и беззаветна была его любовь к угнетенному человечеству, так сильна и действенна его ненависть к эксплоататорам, так горяча и доходчива его кипучая речь, так обаятельны его вдохновенный взгляд и светлая улыбка.

Проходят немногие годы, и образы буржуазных героев все более тускнеют, память о них поглощает бесследно река времени. Пройдут столетия, но чем дальше, тем ярче будут светить образы героев большевизма. Побеждающий социализм поднимает из небытия сотни миллионов порабощенных капитализмом людей, и возрожденное человечество никогда не забудет Сергея Кирова, который вместе со Сталиным в головной шеренге большевиков строил первое в мире государство пролетариата.

Враг знал, в кого он посылает пулю. Зиновьевско-каменевская сволочь знала, как любит Кирова вся партия, весь рабочий класс, весь советский народ. Наймиты и агенты обреченного класса капиталистов, сами обреченные и выброшенные на мусорную свалку истории, Зиновьев и Каменев подняли руку Николаева и трусливо направили пулю в затылок Сергея Мироновича. Этим актом зиновьевская банда надеялась расстроить большевистские ряды, развинтить и ослабить огромный механизм пролетарской диктатуры.

Слепые гадины просчитались! Крепость и мощь нашей партии и нашего государства нерушимы. Ни на секунду не дрогнули большевистские ряды, ни один винтик нашего механизма не ослабился, ни одна гайка не развинтилась. Ибо советский механизм и все части его отлиты из большевистского металла и закалены сталинской закалкой, которую никогда не одолеет бешеная ярость капиталистов, их агентов, их наймитов, их шпионов и убийц. Контрреволюционным гадинам удалось убить Кирова, но им не удалось и не может удаться убить революцию, свернуть страну и историю с пути большевизма, с пути Ленина—Сталина. Ибо гадина мелка даже в ярости своей, а пролетарская революция несокрушимой силой движет мир к социализму.

Выстрел в Кирова прозвучал для всей нашей страны сигналом к большей зоркости и *бдительности.*

Выстрел этот вновь и с большой силой показал каждому рабочему и колхознику, до чего бешеным зверем капитализм *ринулся в битву со строем* побеждающего социализма. Миллионам людей стало и становится до предела ясно, что идет последний жестокий бой между старым и новым миром, и нет в этом бою места мягкосердечию к змеям старого мира, нельзя рассчитывать на то, что змея сама вырвет жало свое. И с помощью миллионов трудящихся советская власть вскрыла немало глубоких нор врага, вырвала немало жал у троцкистских, зиновьевских и прочих белогвардейских гадин.

Эта очистительная работа еще не закончена. Она продолжается и будет доведена до конца. Советский человек, в котором партия воспитала и воспитывает прекраснейшее чувство пролетарского гуманизма, советский человек после убийства Кирова научается сильней ненавидеть врага и снимать с него личину и еще крепче любить свою родину, свою большевистскую партию, ведущую народ к счастливой жизни.

О ней, об этой жизни мечтал, за нее боролся и ее строил Киров. Дорогой Мироныч! Родина твоя, родина наша, как дивный сад, наливается соками изобилия. Тебе удалось увидеть в жизни только начало нашего расцвета. Но перед твоими глазами — *мы это знаем — прекрасным* виденьем стоял счастливый сегодняшний и еще более прекрасный завтрашний день родины нашей и всего человечества. Этот чудесный день *стоял перед твоими глазами* и в годы подполья и в месяцы заточения в царской тюрьме. Чудесный день социализма стоял перед твоими глазами и в годы гражданской войны, когда ты на фронте вооруженной рукой отстаивал право социализма на жизнь и победу. Этот чудесный день ты видел и научал других видеть, — научал в рабочих кружках, на красноармейских собраниях, в горных аулах Кавказа, на нефтяных промыслах Баку, на заводах города Ленина и на всесоюзной трибуне Кремлевского дворца и Красной площади.

Вдохновенная речь твоя, трибуна пролетарской революции, несущего горячее слово Ленина и Сталина в массы народные, принесла прекрасные плоды. Чудесный день пришел. Приходит день, когда нужда, бедность окончательно исчезают с лица земли нашей, уступают место радостной, счастливой, зажиточной жизни. Жить на советской родине стало и становится все лучше, все веселей. Вспаханная великим сталинским плугом земля наша вырастила новых людей — Стаханова и стахановцев, которые начинают побивать капитализм и самым сильным оружием — высокой производительностью труда. Станки социалистических заводов, *гул которых ты так любил*, паровозы наших железных дорог, тракторы и комбайны на полях переходят на новые, высшие скорости, умножая богатства страны, *мощь и величие советской державы.*

Великие клятвы у гроба Кирова дала страна устами лучших своих людей. Партия и народ дали клятву итти до конца по тому пути, которым шел Киров, по пути его учителей — Ленина и Сталина. Партия и народ дали клятву еще решительней расправляться с подлыми врагами, метящими свои стрелы в самое сердце революции. Партия и народ дали клятву крепко держать в руках великое знамя коммунизма, на котором горят капли крови Кирова, и донести это знамя до того дня, когда оно будет развеваться над всем миром.

Эти клятвы партия и народ выполняют и будут выполнять верно и нерушимо. Сбываются мечты и желания Кирова. Самым заветным из них были его слова:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, но создана нашими руками. Не пройдет много лет, когда мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма».

Каждый день все более быстрыми шагами приближает нас к этому заветному моменту. Мы уверенно поворачиваем и, вопреки сопротивлению волков и змей капитализма, повернем весь мир на путь коммунизма. Уверенность наша покоится на том, что и точка опоры, и рычаг созданы большевиками, что рычаг этот в руках партии, в рядах которой на передовой линии работал, боролся, горел и умер на посту Сергей Миронович Киров. На рычаге этом — рука Сталина и десятки миллионов рук непобедимого советского народа.

ТЕЛЕГРАММА

Астрахань, Представителю Реввоенсовета Южфронта тов. Кирову

С радостью наблюдаю героизм X армии и царицынского пролетариата в защите Царицына. Уверен, что красный Царицын, выдержавший многомесячные зимние осады, выдержит все испытания и теперь; привет защитникам красного Царицына. Обещанные подкрепления идут.

Предсовнаркома ЛЕНИН

(Напечатана в астраханской газете «Коммунист» 25 июня 1919 года).

Стена бесстрашных

Над миром высится Кремлевская стена,
И *трауром она полнеба заслонила.*

Из края в край, как гнев, как скорбная струна,
Гремит салют над свежею могилой.
Несут республики последний караул...
От ледяной Невы до Минска и Памира
Идет через Москву великий грозный гул:
— Будь память вечная тебе, товарищ Киров!

У гроба твоего учитель наш склонил
Печальное чело, овеянное славой...

Враг вырвал жизнь твою, но облик, полный сил,
Не запятнает враг своей рукой кровавой.
Отребье жалкое, оно ползет во мгле,
Ползет, как ржавчина, по щелям и по дырам.
Клянемся мы: прах врагов рассеять по земле!..
— Будь память вечная тебе, товарищ Киров!

Декабрьской стужею окована земля,
В набегах ветровых, в глухих могильных стонах.
Прими, бесстрашная, прими, стена Кремля!
О, грузной скорби марш в шагающих колоннах!
О, черный плющ знамен, граненые штыки!
Бушует в жилах кровь и ждет расплаты мира,
Горячая слеза легла в венок тоски:
— Будь память вечная тебе, товарищ Киров!

Над миром высится Кремлевская стена,
И трауром она полнеба заслонила.

Из края в край, как гнев, как скорбная струна,
Гремит салют над свежею могилой.
Упал солдат. Тесней! Тесней! Живой стеной!
Сплотимся все под стягом командира.
А час пробьет, дадим смертельный бой!
— Будь память вечная тебе, товарищ Киров!

А. АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Перевел с белорусского **Ос. Колычев.**

С. М. Киров (1930 г.).

Наша партия тверда, как гранит

Речь С. М. КИРОВА к рабочим и работницам красной столицы.

Произнесена с трибуны мавзолея Ленина во время грандиозной демонстрации в честь XVII с'езда партии

Товарищи рабочие, работницы нашей славной красной столицы!

По поручению XVII с'езда нашей партии большевиков передаю вам пламенный привет. **(Крики: «Ура!»).**

Товарищи, с'езд нашей партии подводит итоги великих работ, совершонных рабочим классом в союзе с нашим трудовым крестьянством, под руководством коммунистической партии, на протяжении трех с лишним лет. С'езд снова и снова устанавливает, насколько правильной, надежной и творческой была генеральная линия партии, *линия построения социализма в нашей стране.*

Со всех концов великой советской земли собрались представители нашей ленинской коммунистической партии, и все они говорят о том, что **нет на нашей советской земле ни одного такого уголка, где бы не горела новая, коммунистическая, большевистская работа, созидающая новую, социалистическую жизнь.** Не только в основных городах нашей страны, но и в городах, названия которых не были широко известны, и там создаются очаги социалистической стройки, фабрики и заводы. Там, где вчера были пустыни, необитаемые места, ныне воздвигаются гиганты индустрии.

На основе гигантских завоеваний нашей социалистической промышленности, давшей огромные технические средства, мы за этот период времени сумели повернуть на новые, колхозные рельсы нашу деревню. Это огромное завоевание *дало новое* основание для еще более прочного утверждения союза рабочих и крестьян в нашей стране.

Товарищи, все это вместе взятое в огромной степени укрепило обороноспособность нашего Советского Союза, подняло авторитет нашей страны во всем мире.

Главное и самое трудное, самое большое завоевание нашей партии и нашего рабочего класса заключается, товарищи, в том, что мы сумели за последние годы окончательно, с корнем уничтожить те основы, на которых мог произрастать и развиваться капитализм в деревне. Тем самым мы решительно и навсегда похоронили в прошлом старый, проклятый, эксплоататорский, помещичье-буржуазный строй. Это одно из самых победоносных завоеваний великой нашей коммунистической партии, которой руководит наш славный, твердокаменный, великий ленинец — товарищ **Сталин. (Крики: «Ура!»).**

Вы должны, товарищи, знать, что не раз в прошлом рабочие поднимали знамя восстаний *против своих поработителей.* Самой трудной и неразрешимой задачей был для них крестьянский вопрос. Из-за неразрешения этого вопроса была потоплена в крови рабочих Парижская Коммуна. Этот же вопрос не смогла разрешить Венгерская революция. **Но этот вопрос решила та партия, которую создал, выпестовал и воспитал величайший из вождей, у могилы которого мы собрались сегодня с вами.**

Этот вопрос разрешила наша Всесоюзная коммунистическая партия, руководимая лучшим ленинцем — товарищем Сталиным. (Крики: «Ура!»).

Мы обязаны, товарищи, нашими победами также и тому, что мы имеем огромную коммунистическую партию, в которой собрано все лучшее, все творческое и революционное из среды нашего славного рабочего класса СССР.

Мы имеем такую партию, которая умеет праздновать победы своих великих работ. Мы имеем такую партию, которая не сгибает своей большевистской головы ни перед *какими трудностями и опасностями, порождаемыми* изнутри и извне.

Наша партия тверда, как гранит! Наша партия едина, нераздельна, как монолит!

Мы имели нападки, натиски на нашу великую партию с разных сторон. Но наша партия, закаленная в великих боях под руководством товарища Сталина, всегда оказывалась незыблемой, прочной, отражая все нападения на нашу коммунистическую партию.

Подводя итоги нашим работам, с'езд намечает дальнейший путь к утверждению социализма в городе и деревне, к дальнейшему поднятию благосостояния рабочих нашей страны и многомиллионного колхозного крестьянства.

С'езд не сомневается, что при поддержке великого рабочего класса нашей страны мы в ближайшие годы сумеем задачу поднятия благосостояния рабочих и колхозников разрешить гораздо быстрее, чем мы это делали до сегодняшнего дня.

С'езд намечает, товарищи, дальнейшие пути и возможности укрепления обороны *нашего Советского Союза. Победы* наши велики, неотразимы. Но, товарищи, вокруг нас все еще живет, существует, правда, разлагающийся, но враждебный нам капиталистический *мир. Он бросает* на борьбу с крепнущим коммунизмом свои последние силы.

На площадях своих столиц фашисты сжигают творения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, забывая, что в миллионах сердец трудящихся и угнетенных запечатлены учения наших великих основоположников и руководителей.

Товарищи, мы должны сделать все для того, чтобы, если наши враги на Востоке или на Западе вздумают посягнуть на священные границы великого Советского Союза, быть готовыми дать победоносный, сокрушительный отпор.

Товарищи, работы XVII с'езда партии это гарантируют.

Позвольте мне в заключение передать вам **братский большевистский привет от того города, делегатом которого я имею счастье быть, — от нашего славного Ленинграда.**

Да здравствуют рабочие нашей великой красной столицы — Москвы!

Да здравствует рабочий класс нашего Советского Союза, ведущий за собой многомиллионное колхозное крестьянство!

Да здравствует руководительница всех наших побед — наша славная, несокрушимая, великая, единая коммунистическая партия, ее XVII с'езд и ее славный, несгибаемый, великий руководитель и стратег — товарищ Сталин! (Крики: «Ура!», «Да здравствует XVII с'езд!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует мировая революция!». Овации. «Интернационал»).

ТРИ ДНЯ

Его ждали во Дворце Урицкого. Сергей Миронович собрал в папку все необходимые материалы для доклада, крепко надвинул фуражку и вышел из кабинета. Подлым выстрелом в затылок Николаев убил Кирова.

Ленинградские большевики, собравшиеся во Дворце Урицкого на кировский доклад о пленуме ЦК, долго не расходились. Что случилось, почему опаздывает товарищ Киров?

Сгущались сумерки. Во дворце зажгли люстры. А Кирова все еще не было. Но никто не уходил. Как всегда, хотелось видеть, слушать Кирова. Откровенное лицо, смелая, задорная улыбка, простые, веселые слова и вся его мужественная фигура влекли к себе тысячи людей. Трибун революции, — он никогда не говорил штампованными фразами. Каждая его речь сверкала остроумием, была проникнута свежестью и глубиною мысли. Вот почему никто не хотел уйти, не увидев Сергея Мироновича.

И вдруг ошеломляющая весть: Киров убит!

Киров убит! — Этому не хочется верить, этого нельзя произнести громко. Киров убит! — об этом узнали в Нарвском, Выборгском, Володарском, во всех районах, на всех заводах Ленинграда.

Кирова убили! — как шквал, нарастают гнев и горе народа.

В эту ночь собирались летучие траурные митинги у станков, в цехах, на фабричных дворах. Обнажив головы, люди слушали печальные слова о смерти Кирова. Многие плакали. Слишком велика и неожиданна была потеря. Его хорошо знали и крепко любили ленинградские рабочие и работницы, часто видевшие его у себя на заводе, в квартире, в клубе. Они звали его Миронычем.

В полночь в механической мастерской открылся митинг путиловцев. В тревожной тишине путиловцы выслушали слова о подлом убийстве вождя, который был их лучшим другом, товарищем и учителем. Казалось странным, что больше нет в живых этого жизнерадостного человека, который еще так недавно был вот здесь, у этих станков, и беседовал с людьми. Многие из них были его личными друзьями. Со дня на день путиловцы ждали его у себя с отчетным докладом о работе Ленсовета. Он был их первым депутатом. Вместе с ним и во главе с ним они изменяли лицо питерских окраин, переделывали и перестраивали улицу Стачек, на которой жили.

Строгальщик Волынец, сдерживая слезы, сказал:

— Киров — это мы. Это тысячи путиловцев. Нас не убьешь!

В эти минуты гнева и горя путиловцы почувствовали себя еще теснее связанными со всеми трудящимися страны, с тем человеком, чьим другом и верным соратником был Киров, — со Сталиным. И в этот час родилось воззвание путиловцев ко всем большевикам, к пролетариям Советского Союза.

«Еще слишком свежа утрата, трудно подобрать слова, которые бы передали то чувство скорби, печали и боли, которые охватили каждого пролетария города Ленина.

Сергея Мироновича нет среди нас.

Мы знаем: классовый враг обрадуется этому выстрелу, будет злорадствовать. Но враги просчитались: рабочий класс, *трудящихся ничто не остановит в их неуклонном*, победоносном движении к социализму.

Сергея Мироновича нет среди нас. Но жива партия, живет рабочий класс, верным сыном, бойцом которых был старый большевик Киров.

Мы клянемся, что дело, за которое боролся и погиб товарищ Киров, будет доведено до победного конца.

На удар врага мы ответим ударом!

Смерть врагам рабочего класса! Выше знамена великой пролетарской диктатуры! Теснее ряды вокруг нашей партии, вокруг нашего Центрального Комитета во главе с великим вождем трудящегося человечества товарищем Сталиным!

Не плачьте над трупами павших бойцов,

Несите их знамя вперед!»

Как в годы гражданской войны, как в дни обороны Питера от Юденича, в эту ночь люди собирались вместе, охваченные единым чувством классовой ненависти к врагам народа.

В эту бессонную ночь из Москвы в Ленинград выехал Сталин.

Утро. С моря дул холодный ветер и трепал траурные флаги. У газетных витрин собирались толпы. Всюду портреты Кирова. Широкоплечий, улыбающийся, в зеленой гимнастерке, со слегка откинутой назад головой. Но в черной рамке.

Мертвое тело Кирова лежало во Дворце Урицкого. Всего лишь три недели назад в этих стенах слышен был живой, кировский, страстный голос. Он рисовал образ большевика, черты его: «Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская честная, благородная внутренняя тревога за дело партии». Он считал себя счастливым быть прорабом в великих строительных работах социализма.

Два дня и две ночи с Кировым прощался Ленинград. Рабочие, колхозники, профессора, работницы, студенты, дети молча проходили мимо сраженного пулей Сергея Мироновича. Над гробом его склонились боевые знамена ленинградского пролетариата. В пятиминутном почетном карауле стояли лучшие люди города. Ночью, освещаемый факелами, медленно двигался людской поток, стекаясь ко Дворцу Урицкого.

В раскрытые настежь двери дворца вливался этот человеческий поток; обнажив головы, люди всматривались последний раз в лицо Кирова. Венок из хвои. На черной ленте короткая надпись: «От И. Сталина».

В четвертом часу 3 декабря в окружении рабочих в траурный зал вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов. В скорбном молчании они прошли и остановились у гроба своего друга и соратника, в час смерти которого они сказали:

«Ты был близок всем нам, т. Киров, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери».

Бетховенский марш «На смерть героя» потрясает зал. В почетном карауле стоят пионер Кургановский, работница Родионова, кочегар Иванов, бывший обуховский токарь, соратник Кирова по фронтам — Григорий Иванов. В 4 часа 30 минут, в тот час, когда враги убили Кирова, в почетный караул становятся Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов. Они стоят, как и все, — 5 минут. Строго и печально лицо Сталина. Сцепив пальцы рук, он стоит неподвижно у гроба Кирова, с грустью всматриваясь в дорогие и близкие черты своего друга. Еще тише и скорбней проходят люди мимо гроба Кирова. Глядя на Сталина, вождя народа, люди молча клянутся продолжать дело партии, которой беззаветно служил до последней минуты Сергей Миронович, — дело коммунизма.

В ночь с 3 на 4 декабря тело Кирова пронесли по улицам Ленинграда. В последнем почетном карауле снова стоят Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов. Смолкают звуки вагнеровского марша. Проходят 5 минут. *У гроба остается один Сталин.* Чуть наклонившись, он долго всматривается в милое лицо Кирова. Затем выпрямляется и вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ждановым поднимает гроб с телом своего боевого товарища.

Гроб устанавливают на орудийный лафет. Начинается траурное шествие от Дворца Урицкого к площади Восстания, к Московскому вокзалу. Последний, прощальный путь. Его несут по улице Воинова, по проспекту Володарского, по Октябрьскому проспекту. Черную декабрьскую ночь пронизывают лучи прожекторов. Тысячи людей, плечо к плечу, держась за руки, провожают Кирова, своего вождя.

На площади Восстания Красная Армия отдает последние воинские почести солдату революции. В полночь гроб с телом товарища Кирова вносят в вагон. Танкисты несут первый караул. Поезд трогается. Пять минут непрерывно гудят гудки. Это заводы, фабрики, электростанции, Ленинград прощаются с товарищем Кировым...

Б. ГАЛИН.
Б. ЛЕВИН.

Кирову

Как будто бы года не было!
Утро сегодня в туманах.
Горе сегодня стучится
в каждое наше окно.
И траурный флаг поднимает
шахтер Алексей Стаханов
Над легендарной шахтой
«Центральная-Ирмино».
Как будто бы года не было!
В затихшем Кремлевском зале
Глаза трех тысяч стахановцев
наполнились пламенем слез,
Сердца трех тысяч героев
в гневе и в горе сжались,
Когда его имя:
Киров! —
С трибуны Серго произнес.
Как будто бы года не было!
И поднялись в молчаньи
Лучшие люди Республик.
Шапку сняла Москва.
И всем захотелось до боли,
чтобы опять зазвучали,
Чтобы опять засверкали
кировские слова.
Он вышел бы на трибуну,
он шуткой бы нас порадовал,
Он поднял бы зал, Мироныч,
полный огня и сил.
Он руку пожал бы Стаханову,
Ура прокричал Виноградовой,
Он с ленинградской гордостью бы
Сметанина похвалил.
Но Киров убит. И это
из сердца не выжечь, не вырвать.
Сталин идет за гробом.
Знамена склоняются ниц.
Год этот — был! И здорова
Великая родина Кирова,
И ничего не осталось
от черной шеренги убийц.
Год этот — был! И неверно,
что с нами Мироныча нету.
Взгляните, вот он шагает —
веселый, боевой.
Он вместе с Петром Кривоносом
ведет поезда Советов,
На лицах красноармейцев
я вижу улыбку его.
И голос его — голосами
молодости подхвачен,
И сердцу его — не стариться,
И силе его не слабеть.
И говорить о Кирове, —
друзья мои, это значит
О нас говорить, о жизни,
о радости, о борьбе.

В. ГУСЕВ.

С. М. Киров в Кремле.

Н. ГИКАЛО

ОН БУДИЛ И ЗВАЛ

Живо помню блестящие выступления Кирова на народном с'езде Терской области в Моздоке в 1918 г. Эти выступления будили, звали на борьбу трудящихся горцев, казаков, рабочих. Один седой, старый горец, помолодевший после речи Сергея Мироновича, легкой поступью горца взобрался на трибуну с'езда и в своей отрывистой гортанной речи клялся в преданности делу рабочего класса, советской власти.

Незабываемы образы страстной и мощной речи Кирова на заключительном заседании, когда он призывал делегатов с'езда до последней капли крови бороться за свободу. Он привел красивую древнюю легенду о Прометее, как олицетворении свободы, прикованном к скале на вершине Казбека, чье истерзанное тело неустанно клюет орел. И молодые, и старые, и горцы, и казаки, и рабочие вскакивали с мест и в неудержимой страсти к победе над вековой темнотой кричали на разных наречиях свой привет большевикам, Ленину и скромному оратору, который звал их на борьбу за освобождение человечества.

С'езд голосовал в своем подавляющем большинстве за предложение большевиков и послал телеграмму Совету Народных Комиссаров—Ленину, приветствующую Октябрьскую революцию и власть Советов. И теперь уже не десятки, а сотни агитаторов раз'ехались по аулам бороться за дело, начатое Лениным. Эти агитаторы проникли глубоко в станицы, аулы, леса и горы и всюду собирали делегатов на с'езд в Пятигорск.

Позднее приходилось встречаться и видеть товарища Кирова уже в другой обстановке. Войска интервентов, банды отечественных генералов, помещиков и капиталистов разгромлены и раздавлены рабочими и крестьянами советской страны. Надо было укреплять советскую власть, восстанавливать промышленность и сельское хозяйство. К концу 1920 года я встретил Кирова уже как члена Кавказского бюро ЦК ВКП(б). Вместе с товарищем Серго *Орджоникидзе Киров стал руководителем* коммунистической организации бывшей Горской республики, затем представителем советского правительства в меньшевистской тогда Грузии и потом снова руководителем большевистской организации на Северном Кавказе. И все та же неизменная бодрость, скромность, все та же непоколебимость в борьбе за дело рабочего класса, за дело партии Ленина, в борьбе против каких бы то ни было отклонений от линии партии.

КНИГА ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

◊ ◊ ◊

А. СТЕЦКИЙ

◊ ◊ ◊

Партиздатом выпущен первый том собрания статей и речей С. М. Кирова, охватывающий период 1912—1921 гг.

Этот том начинается статьей 1912 г.—«Простота нравов», содержит далее выступления и статьи Кирова, а также ценнейшие материалы его деятельности в 1917—1918 гг. на Северном Кавказе и далее в Астрахани 1918—1920 гг., затем выступления снова на Северном Кавказе после очищения его от деникинских банд и доклады 1921 года в Тифлисе, Советской Грузии.

Том открывается обстоятельной вступительной статьей Б. Позерна, которая подробно характеризует обстановку того периода и тех мест, где приходилось действовать Кирову.

Перелистывая эти страницы снова, видишь перед собой незабываемый образ Кирова—бесстрашного, несгибаемого, упорного борца за социализм, большевистского вождя и руководителя, воспитанного Лениным и Сталиным.

• • •

1917 г. и начало 1918 г. Киров работает на Северном Кавказе. Он шаг за шагом создает во Владикавказе, Пятигорске, Грозном организацию большевиков; завязывает связи с революционными национальными организациями, неутомимо агитирует и раз'ясняет массам ленинскую линию. Его влияние растет. Его не только хорошо знают рабочие и солдаты; его знают и в аулах Ингушетии, Чечни, Осетии и Дагестана.

В той части тома статей и речей Кирова, которая относится к 1917 и началу 1918 г., особый интерес имеют выступления и доклады на Моздокском и Пятигорском народных с'ездах Терской области в январе—феврале 1918 года. Здесь Киров выступает как крупнейший политик, который в одиночку, будучи оторван от центра, в сложнейших условиях сумел подвести трудящиеся массы к Советской власти, опрокинув контрреволюцию и разбив все ее расчеты.

Обстановка на Северном Кавказе была в конце 1917 и в начале 1918 г. чрезвычайно острая, запутанная, противоречивая.

Северный Кавказ был отделен от Советской России Донской областью, где уже хозяйничал генерал Каледин. Большевистская организация на Северном Кавказе была слаба, а рабочий класс, шедший за ней, малочислен.

Контрреволюционеры, в особенности собравшееся на Северном Кавказе офицерье, проявляли большую активность, употребляя все меры, чтобы не допустить организации Советской власти.

Среди казачества действовали генерал Караулов, полковник Рымарь и есаул Пятирублев, науськивавшие казаков на большевиков и стремившиеся втянуть казаков в войну с горцами.

Среди горских народов — чеченцев, ингушей, лезгин—орудовали муллы, местные князьки, нефтепромышленник Чермоев, кабардинский коннозаводчик Коцев и пр. Горская контрреволюционная верхушка, муллы разжигали национальный и религиозный фанатизм против русских, прежде всего против большевиков.

Обстановка осложнялась наличием национальной розни, усердно подогреваемой буржуазными националистами. Загнанные царским правительством в дикие ущелья и скалы, лишенные земли, отданной правительством казакам, горцы, чеченцы, ингуши, осетины стремились вернуть свои земли и видели в казачестве своих вековых врагов. С другой стороны, контрреволюционная верхушка казачества систематически провоцировала столкновения казаков с горцами и звала казаков на войну для окончательного искоренения горских народов.

И буржуазно-помещичьей верхушке горских народов, и казачьему офицерству важно было одно: отвлечь трудовых казаков и горцев от революции, натравить их друг *на друга и во что бы то ни стало не допустить* осуществления программы Советской власти.

Контрреволюционерам удалось добиться уже многого. Им удалось разгромить большевистские Советы во Владикавказе и Грозном.

Однако искусная стратегия Кирова опрокинула их расчеты.

Большевики воспользовались отдельским (уездным) с'ездом в Моздоке, где хозяйничал в это время казачий военный совет, руководимый полковником Рымарем и есаулом Пятирублевым. Трудовые казаки жаловались на этом с'езде, что в Терской области нет порядка и нет твердой власти. Большевик М. Блок предложил тогда созвать народный с'езд Терской области для организации власти. Предложение это было принято, при чем за него ухватились и казачьи офицеры. При чем они возлагали на этот с'езд свои надежды, думали об организации своей власти, стремились использовать этот с'езд для того, чтобы под своим руководством вовлечь казаков в войну для истребления ингушей и чеченцев, самых ограбленных и потому самых беспокойных соседей терских казаков.

А для того, чтобы поддержать свои предложения соответствующим образом, полковник Рымарь и Пятирублев вызвали из станиц отряды надежных казаков в полном вооружении.

Но большевики во главе с Кировым в свою очередь вели энергичную подготовку к этому с'езду.

«Перед большевиками стоял огромной важности принципиальный вопрос, какой тактики держаться на с'езде перед лицом вооруженной до зубов контрреволюции, ловкими маневрами, в ряде случаев, увлекающей за собой широкие массы трудящихся казаков и горцев».

Сама большевистская фракция на с'езде была малочисленна.

В этих условиях Киров применяет тактику, которую теперь, *после VII конгресса Коминтерна,* можно было бы назвать тактикой единого фронта.

Он ставит первую основную задачу — вырвать представителей трудовых масс казачества и горцев из-под руководства контрреволюционного офицерства, предотвратить резню между казаками и горцами, организовать эти массы внизу для отпора контрреволюционерам, для решения вопроса о земле, о рабочем контроле и таким путем подвести массы к завоеванию Советской власти.

Ему удается организовать «социалистический блок», куда, помимо большевиков, входят также меньшевики и эсеры, которым также угрожала казачья контрреволюция.

И вот, опираясь на этот блок, выступая в качестве его руководителя и трибуна, Киров в страстных речах убеждает рядовых казаков, представителей крестьян и горских народов, что главная опасность— это буржуазно-генеральская контрреволюция, что война между горцами и казаками выгодна и нужна только этой контрреволюции, что для трудящихся главное — мир и создание органов народной власти на местах, такой власти, которая бы удовлетворила их требования.

Киров не ставил прямо вопрос о признании Советской власти. И когда некоторые «леваки» из большевиков внесли предложение от имени части делегатов о немедленном признании Совета Народных Комиссаров, Киров в своем выступлении призывал снять этот вопрос.

И это было совершенно правильно. Предложение «леваков» о немедленном признании Совета Народных Комиссаров играло на-руку контрреволюции. Оно вело к взрыву «единого фронта». Оно отбрасывало большую часть делегатов, — в условиях, когда они и массы на Тереке не были еще подготовлены к принятию Советской власти, не понимали еще ее значения, — прямо в об'ятия контрреволюционного офицерства, буржуазии и помещиков. Это предложение вело к изоляции и разгрому большевиков.

Не ставя в открытую вопроса о признании Советской власти, Киров ясно и убедительно агитировал за ее программу и за создание народной власти, которая только и могла быть по существу советской, на местах.

В своих речах он убеждает: «Нам здесь нужно об'единиться и создать прочный кулак, чтобы избежать нависнувшей опасности...» «Россия разбилась на два враждебных лагеря. Одни борются за утверждение в России народовластия, другие не останавливаются ни перед чем, чтобы набросить на свободный народ мертвую петлю. Эта контрреволюционная волна началась с первых же дней революции.

Для народа важно было удержать власть в лице Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов».

Он указывает, что на Тереке опасность контрреволюции особенно велика, что *контрреволюционеры «с нетерпением ждут* момента, когда разные народности кинутся друг на друга...» «Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено».

«Учитывая, что каждый день организуются черные силы, думающие в братоубийственной войне задушить все завоевания революции, мы говорим, чтобы прежде всего в каждой деревне, станице, ауле народ нашел в себе силы утвердить народоправство, создав органы народной власти...»

«Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих мозолистых рук, скажут: «Да здравствует республика солдат, крестьян и рабочих!»

Как ни пытались полковники Рымари повести за собой с'езд, а потом всяческими провокациями сорвать его, им это не удалось. Ясные, убедительные, вдохновенные речи Кирова дошли до сознания большинства делегатов, захватили их. Вожаки контрреволюции оказались изолированными; им не удалось запугать делегатов и военной силой; они должны были уйти со с'езда.

Первая цель Кирова была таким образом достигнута.

С'езд далее не только отказался принять планы войны с горцами, но решил направить мирную делегацию к чеченцам и ингушам.

С'езд принял также предложенную Кировым резолюцию, в которой говорилось, что «новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией, как-то: земельный вопрос, правовой, *рабочий,* продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и пр., проявить самую ши*рокую инициативу в деле организации всей* области».

Мало того, большевикам *под руководством Кирова удалось добиться* того, что народный с'езд Терской области решил собраться на II сессию уже не в помещичье-казачьем Моздоке, а в Пятигорске, где был большевистский Совет, и пригласить туда представителей чеченцев и ингушей.

В I томе статей и речей содержится доклад и выступления Кирова на этой II сессии народного с'езда. В этом докладе и выступлениях видна вся сложная, опасная обстановка, в которой большевикам приходилось проводить свою линию.

Сергей Миронович вел эту линию твердо и искусно.

Его работа уже дала плоды. Организация масс внизу подводила прочный фундамент для утверждения Советской власти.

Киров добивается того, что представи*тели чеченцев и ингушей появляются* на этом с'езде и что с'езд выступает решительно за мир между горскими народами и казаками.

Здесь Киров призывает с'езд «начать действовать по советской программе», в первую очередь решить такие вопросы, как земельный, и этим прежде всего «показать всей области, как вы понимаете признание Советской власти».

Теперь уже большинство с'езда твердо шло за Кировым, за большевиками. И после того как с'езд решил вопросы об организации местной власти и земельный вопрос в духе советских декретов, 27 февраля 1918 г. народный с'езд заявил, что он признает власть Совета Народных Комиссаров.

Теперь на этом этапе изолированными оказываются и эсеры с меньшевиками.

Благодаря мастерской, единственно правильной ленинско-сталинской линии Кирову удалось в труднейшей и опаснейшей обстановке перед лицом вооруженных белогвардейских головорезов изолировать сначала контрреволюционных верховодов из офицерства, затем эсеров и меньшевиков, повести массы за собой к организации Советской власти и осуществлению ее революционной программы на Северном Кавказе.

Летом 1918 года Киров отправился из Владикавказа в Москву за помощью, за средствами, за оружием. Вернуться обратно ему уже не удается. Деникинские отряды захватывают Северный Кавказ, и находившаяся там XI армия по безводным степям и пескам отступает в Астрахань.

Киров направляется в Астрахань и становится там руководителем Революционного Совета армии и признанным руководителем трудящихся города.

В I томе статей и речей собрана лишь сохранившаяся небольшая часть многочисленных боевых выступлений Кирова. Но и эта небольшая часть ярко рисует его образ, его разностороннюю работу. Большую ценность представляют документы, приказы, распоряжения за подписью Кирова, телеграммы Ленина Кирову и его сообщения Ленину, а также переговоры по прямому проводу с командирами частей XI армии.

Кировская энергия, настойчивость, организаторский талант, кировская сила убеждения, его мужество сделали свое дело. Астрахань не только осталась до конца советской, но и превратилась в один из важнейших плацдармов наступления на Деникина.

«Троцкий, вместе с окружавшими его «специалистами», которым он безгранично доверял, уже давал в это время из штаба главнокомандующего указания об эвакуации Астрахани в целях «выравнивания фронта», как тогда выражались», — пишет в своей вступительной статье тов. Позерн. — *«Уже многие коммунисты в* Астрахани сложили чемоданы. Однако тов. Киров и весь *Реввоенсовет в целом* заявили решительный протест против капитулянтских, по существу предательских, прика*зов Троцкого и обратились непосредствен*но к Ленину. Товарищ Ленин дал ответ: **«Астрахань защищать до конца».**

Товарищ Киров, опираясь на призыв товарища Ленина, переломил в короткий срок всяческие эвакуационные настроения, *еще теснее сплотил вокруг себя коммуни*стическую организацию, гражданскую и военную, *сумел вдохнуть в партийных и не*партийных *большевиков новую энергию и* **выполнил приказ товарища Ленина».**

И вот Деникин разбит. Врангель сброшен в море. Советская республика отстояла свое существование в кровавой борьбе со своими многочисленными врагами.

Киров снова на Северном Кавказе. Вместе с Серго Орджоникидзе он руководит работами Учредительного с'езда Советов Горской Советской Социалистической Республики, которая должна была об'единить все доселе враждовавшие, преследуемые царизмом и деникинской сворой народы Северного Кавказа.

В своих речах на с'езде, помещенных в этом томе, Киров призывает горские племена **«показать пример нового об'единения народов».**

Он рассказывает на с'езде о борьбе и победах Советской Республики, об ее укреплении. Он указывает новую угрозу, которая возникла в результате нападений интервентов, — разруху и голод, и развертывает перед с'ездом программу строительства Советской власти. В речи о шариате он с таким же мастерством, как когда-то в Моздоке и Пятигорске, разбивает попытки вражьей агентуры противопоставить на религиозной почве массы Советской власти.

Здесь Киров виден уже во весь рост сложившегося, выросшего большевистского вождя.

Том заканчивается выступлениями Кирова в Тифлисе с докладами о X с'езде партии большевиков и о новой экономической политике.

Таково вкратце содержание I тома статей и речей С. Кирова.

Этот том составлен с трудом. Бойцу некогда было собирать и систематизировать свои вещи, *спокойно за письменным сто*лом стилистически исправлять сказанное и записанное, приводить в порядок, некогда было *наводить внешний лоск на свои мысли.*

Но в томе—драгоценные куски великого опыта революции.

С. М. Киров в 1910 году.

А. БАДАЕВ

ЛЮБИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я знал С. М. Кирова в течение многих лет революционной работы, но особенно памятны мне годы совместной работы с ним в Ленинграде.

Приехав на работу в Ленинград в исключительный по своей ответственности момент ликвидации зиновьевской оппозиции, Сергей Миронович с необычайной быстротой охватил все сложнейшие политические и хозяйственные проблемы огромного города и области. С первых же дней Киров сумел сплотить вокруг генеральной линии партии Ленина—Сталина всю ленинградскую организацию и весь рабочий класс великого города Ленина.

Глубокая, проникновенная чуткость к людям, теснейшая связь с рабочими коллективами фабрик и заводов Ленинграда, подлинная большевистская непримиримость ко всем врагам и уклонам от гене*ральной линии партии, умение* выдвигать на руководящую работу вчерашних рядовых рабочих-коммунистов и исключитель*ный ораторский талант пролетарского три*буна, — всем этим Сергей Миронович быстро завоевал себе громадный авторитет и всеобщую любовь.

Сергей Миронович проделал блестящую организаторскую работу по превращению Ленинграда в неприступную твердыню большевизма, в несокрушимую базу социалистической индустриализации. За 9 лет своей работы в городе Ленина Киров вел ленинградский пролетариат от победы к победе. За эти годы заново реконструированы заводы-гиганты, построена Свирская гидростанция, могучий апатитовый комбинат в Хибинах, Беломорский канал, полярный Нивастрой, Волховский алюминиевый комбинат, сотни домов и школ. Сельское хозяйство получило невиданный размах.

На XVII с'езде партии Сергей Миронович с полным правом заявил: «У нас, например, ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым. И это, товарищи, действительно так».

С. М. Киров *не дожил до наших дней* — великого стахановского движения. Но он как бы предвидел этот момент, когда на трибуне XVII с'езда партии, названного в истории нашей революции «с'ездом победителей», воскликнул: «Успехи *действительно у нас громадны. Чорт его* знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить, на самом деле, по*смотрите, что делается...»*

Мы сегодня скорбим над великой потерей, которую понесли наша партия и наша страна год назад в лице убитого С. М. Кирова. Но пусть знают враги, что сегодня еще сильнее, еще увереннее поступь наших железных пролетарских рядов, победоносно шествующих к коммунистическому обществу.

Л. Берия

ПЛАМЕННЫЙ БОЕЦ

В дни, когда исполняется годовщина злодейского убийства крупнейшего деятеля нашей партии, ближайшего друга и соратника товарища Сталина, пламенного и вдохновенного трибуна пролетарской революции — Сергея Мироновича Кирова, в эти дни память невольно обращается к героическому прошлому нашей страны, в пламени революции ковавшей сегодняшнюю светлую жизнь.

Славное имя Кирова, убитого рукой последыша контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции, навсегда вписано в историю борьбы за социализм.

В 1919 году Северный Кавказ пылал в огне гражданской войны. Широкая полоса фронта шла от Черного моря через весь Северный Кавказ, подходила к Волге у Астрахани и тянулась дальше на Урал. Красная Астрахань отделяла Деникина от Колчака, мешала им соединить свои силы. В то же время Астрахань была единственным пунктом, через который шли связи Советской России с Закавказьем.

Англо-французский флот держал в своих руках Черное море. Деникин хозяйничал на Тереке и Северном Кавказе, англо-эсеры — в Закаспии. Закавказье было отрезано от Советской России, и закавказские большевики — большевики Грузии, Армении и Азербайджана—налаживали связи с Баку, а оттуда, в условиях строжайшей конспирации и смертельной опасности, — на Астрахань, где блестяще организовывал и вел борьбу со всеми врагами Советской России Сергей Миронович Киров.

В Баку в это время (февраль 1919 г.), вырвавшись из кровавых лап закаспийских англо-эсеров, приехал тов. Микоян, ставший во главе бакинской большевистской организации.

Особо важное значение Астрахани заключалось в том, что именно по этой линии, и только по этой линии, была возмож*ность доставлять в Советскую Россию ба*кинскую нефть.

А нефть была нужна дозарезу. 80 млн пудов нефти, отправленной в 1918 году бакинскими большевиками, сыграли громадную роль в борьбе Красной Армии. Но этого количества было недостаточно. Топливные ресурсы Советской России в 1919 году были чрезвычайно малы. Нефти нехватало. Донбасс наполовину был занят белыми.

Ленин и Сталин остро ставили вопрос о получении нефти для Советской России, для нужд Красной Армии. Необходимо было все стремления направить к быстрейшему получению нефти.

Ставя перед собой задачу отвоевания Петровска и Баку, Сергей Миронович одновременно делал все возможное для получения из Баку нефтепродуктов, в первую очередь бензина и смазочных масел.

Муссаватская бакинская радиостанция находилась тогда фактически в руках большевиков, имевших на ней своих людей. Это давало возможность Кирову часто связываться с Баку и с бакинским большевистским подпольем.

Бакинские большевики в мае 1919 года организовали борьбу широких масс бакинских пролетариев под лозунгами: «Товарообмен с Астраханью», «Вывоз нефти в Россию». Борьба началась майской стачкой бакинских рабочих. Неудача стачки, окончившейся арестом стачечного комитета во главе с тов. Микояном, заставила принять иные меры доставки нефтепродуктов на Север.

С огромным риском Кировым была налажена транспортировка бензина из Баку в Астрахань на «киржимах», простых туркменских лодках. Летом и осенью 1919 г. Киров в Астрахани создал целую флотилию в несколько десятков лодок. Это было рискованное предприятие, полное смертельной опасности. Для этого были нужны лю*ди, беззаветно преданные партии и совет*ской власти. Киров лично отбирал для этих морских экспедиций надежнейших, решительных людей. Нефтепродукты прибывали на лодках в незначительных количествах, но в общей сложности было переброшено свыше 20 тыс. пудов. Этого было достаточно для оживления астраханской эскадрильи самолетов и автотранспорта и для поддержания борьбы красных частей на Каспийском побережье.

В октябре 1919 года Деникину удалось продвинуться на север, захватив Воронеж и Орел.

В это же время на Каспийском побережье — в Дагестане — ширилось организованное Кировым восстание горцев против добровольческой армии. Киров с огромной настойчивостью, исключительным упорством и уменьем готовил это восстание, с одной стороны, в интересах продвижения на юг, к Баку, с другой,—чтобы облегчить разгром Деникина на линии Орел — Ростов.

Наступали дни решающих боев и решающих побед.

28 апреля победоносная Красная Армия вступила в Баку. В Баку прибыли тт. Орджоникидзе, Киров и Микоян.

5 мая 1920 г. Киров выступил на первой легальной конференции бакинской организации АКП(б) с докладом на тему: «Текущий момент».

«Мы положим здесь начало, — гово*рил Киров, — великому об'единению на*родов цивилизованной Европы и, так называемого, отсталого, некультурного Востока».

В этой же речи Киров поставил во весь рост вопрос о борьбе за нефть, о роли и значении этой «живительной влаги» для укрепления «рабоче-крестьянского отечества».

«Если теперь по всем артериям побежит живительная влага, то в ближайшие месяцы движение будет совершаться гораздо быстрее, гораздо энергичнее. В этом главный залог восстановления хозяйственной жизни России».

Первый этап борьбы Кирова за нефть был закончен.

Наступил новый период, период упорной работы Кирова за восстановление разрушенного нефтяного хозяйства.

Этот период непосредственно связан с деятельностью Кирова, как руководителя ЦК азербайджанской коммунистической партии.

1921 год. Гражданская война окончена. Страна Советов деятельно приступила к залечиванию нанесенных войной ран, к мирному строительству, восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Если нужда в нефти и нефтепродуктах резко чувствовалась в период военных дей*ствий, то после окончания их эта нужда* стала еще острей.

Нефтяной Баку был в наших руках, но нефтяная промышленность была вконец разрушена. В сущности говоря, надо было начинать работать сызнова. Надо было вводить новые способы бурения и эксплоатации на основе высоко развитой американской техники. Надо было выбросить желонку, заменить тартание глубоким насосом и компрессором, вместо нефтемотора применить электромотор и вести бурение не допотопным ударным станком, а быстро работающим — вращательным.

Так ставили вопрос наша партия и правительство, и именно это стал делать Сергей Миронович Киров со свойственными ему настойчивостью и энергией. Не только многие нефтяники из инженерно-технического персонала, но и отдельные специалисты-хозяйственники и даже коммунисты не понимали необходимости реконструкции «Азнефти».

Кирову пришлось бороться со скрытым и явным саботажем этих отсталых, консервативных элементов, действуя то методами принуждения, то мерами убеждения.

И только изумительному упорству, большевистской настойчивости Кирова, его организаторскому таланту мы обязаны тем, что первый этап реконструкции нефтяной промышленности Азербайджана был блестяще завершен.

В последний год работы Кирова в Баку (1925 *г.) нефтяная промышленность* дала стране Советов свыше 4.600.000 тонн нефти.

Это была большая победа бакинских большевиков, бакинских нефтяников!

Энергия и работоспособность Кирова бы*ли изумительны, авторитет его непрело*жен. Одного появления Кирова на промыслах, краткого убедительного разговора с рабочими было достаточно, чтобы работа пошла лучше, быстрее, организованнее.

Ставя перед собой как основную задачу реконструкцию нефтяной промышленности, Киров не забывал всей суммы других задач, стоявших перед Советским Азербайджаном, перед всем Советским Закавказьем.

Азербайджанская деревня привлекала его пристальное внимание.

Еще в мае 1920 года, выступая на бакинской партийной конференции, Киров четко, с политической прозорливостью наметил программу работы партийных организаций и органов советской власти в азербайджанской деревне:

«...произвести первый решительный удар по беко-ханскому строю. Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю. Здесь именно нам, коммунистам, нужно развить как можно больше сил, сделать это шире, полнее.

Следующий удар должен быть также революционным ударом по капитализму. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой всех западно-европейских стран, над всем этим должен быть поставлен определенный рабоче-крестьянский, советский, коммунистический знак...»

Киров многое сделал в области превращения Азербайджана во вторую хлопковую базу Советского Союза.

Многое сделано Кировым и в области выращивания национальных тюркских кадров. Сотни тюркских работников, работающих ныне в Азербайджане, с полным правом могут считать себя учениками и выдвиженцами Сергея Мироновича.

Сложная национальная и политическая обстановка Закавказья была хорошо известна Кирову. Он знал и любил Закавказье.

Летом 1920 года Киров был полномочным представителем РСФСР в меньшевистской Грузии и Тифлисе. Здесь он был подлинным представителем страны Советов, представителем Ленина—Сталина, фактически руководя большевистскими организациями Грузии.

В 1921—1922 гг., когда встал вопрос о создании федерации трех республик Закавказья — Грузии, Армении, Азербайджана, — Киров вместе с Серго Орджоникидзе, руководившим тогда партийными организациями Закавказья, энергично борется за реализацию идеи Ленина—Сталина. В пламенных, проникнутых железной логикой речах Киров беспощадно громил грузинских, тюркских и армянских уклонистов, пытавшихся противодействовать созданию ЗСФСР.

Уклонисты, троцкисты, все те, кто пытался внутри партии бороться против генеральной линии ЦК ВКП(б), все те, кто намеревался подрывать нерушимые устои нашей партии, находили в Кирове своего смертельного врага, прекрасно умевшего разоблачать их проделки и махинации и беспощадно их бить.

Именно поэтому в 1925 году, когда под непосредственным руководством великого Сталина партия громила троцкистско-зиновьевскую оппозицию, Киров по решению ЦК ВКП(б) переводится на ответственный в то время участок работы—в Ленинград руководителем ленинградских большевиков.

• • •

Перебирая в памяти годы борьбы и работы Сергея Мироновича Кирова, вновь воссоздаешь его незабываемый образ твердого, непреклонного большевика-ленинца, замечательного организатора, пламенного народного трибуна, сочетавшего в себе таланты прозорливого политического руководителя и одновременно крупнейшего, подлинно большевистского хозяйственника.

Киров был полон жизни и любил жизнь, представляя себе ее, как борьбу за победу социалистической революции, за торжество идей коммунизма.

П. ЖАКОВ

Мужество

В 1901 году по конкурсу аттестатов был принят в Казанское техническое училище воспитанник Уржумского воспитательного дома 15-летний юноша Сергей Костриков.

Я заведывал тогда в училище учебной частью механического отделения, преподавал черчение и курс «Устройство машин», и был тесно связан со своими учениками.

Окончил Костриков училище весной 1904 года. С тех пор я не имел о нем никаких сведений. Только в прошлом году, в траурные декабрьские дни, когда страну потрясла весть о том, что С. М. Киров так трагически погиб от предательской руки врагов родины — я узнал из биографии павшего вождя, что наш бывший талантливый и любимый ученик Сережа Костриков и Сергей Миронович — это одно и то же лицо.

Как сейчас, встает передо мною фигура Сережи в потрепанном легком пальтишке, служившем ему верную службу и зимой и летом... Казанское техническое училище было по тем временам весьма демократическим учебным заведением. Значительная часть учеников состояла из сыновей рабочих, ремесленников, мелких служащих. Нуждавшихся здесь было много, но и среди них Костриков был бедняком из бедняков. Питомец казенного воспитательного дома, больной и голодавший юноша, без родных и близких, без какой бы то ни было моральной и материальной поддержки, он сам пробивал себе дорогу, и своим образованием был обязан лишь себе и только себе самому.

Учиться было тогда не легко. В училище существовал такой распорядок: ученики приходили к половине восьмого утра и обязаны были присутствовать на общей молитве. Занятия начинались с восьми и тянулись до полудня. Затем давался двухчасовой перерыв на обед, а потом с двух часов и до шести вечера занятия продолжались. Так — ежедневно. Кроме того, каждый день ученикам задавали на дом работы, выполнение которых требовало еще не менее 2—3 часов. Жили ученики на «ученических», разрешенных начальством, квартирах у «благонамеренных» частных лиц.

Квартиры контролировались инспекцией. В частной жизни учеников соблюдался строжайший, почти полицейский режим. В каждой комнате помещалось по нескольку учеников. Плата была высокая — от 3 до 5 рублей в месяц за койку. Обедали ученики в столовой училища, которую содержали на средства «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся».

Обед в столовой из 2 блюд стоил 12 копеек, а попроще — 8 копеек. Сережа был настолько беден, что не мог обедать даже в столовой общества, и ему выдавались единовременные небольшие пособия или бесплатные обеды.

Эту помощь оказывали ему, однако, не систематически. Но с редкой для мальчика его лет твердостью Сережа мужественно преодолевал исключительно тяжелые материально-бытовые условия и по всем академическим показателям шел все время в числе первых. Его интерес к науке был поистине неисчерпаем. Поставив себе целью закончить техническое училище, он не останавливался ни перед какими препятствиями.

Обычною болезнью наших учеников была казанская малярия, которая не пощадила и Сережу.

Мне не раз приходилось наблюдать: сидит он, бедный, на моем уроке, скорчился в припадке малярии, но внимательно слушает об'яснения... В моей памяти сохранился один эпизод, характеризующий отношение Сергея Мироновича к своим занятиям.

Мною была предпринята с учебной целью экскурсия на Паратский завод, близ Казани. Насколько помнится, дело происходило зимой 1903 года. Учеников обязали явиться на вокзал.

Когда я пришел на вокзал, то был поражен видом Сережи. Приступ малярии — в самом разгаре. Весь желтый, согнувшийся, он сидел в своем пальтишке на скамейке у вокзала и еле сдерживал озноб. Ехать в таком состоянии было немыслимо. Я попытался отговорить юношу от поездки. Он дрожал в лихорадке, но, мягко улыбаясь, ответил:

— Ничего. Приступ пройдет в дороге, а пропускать экскурсию нет смысла.

Отсутствие близких, тяжкие бытовые условия, постоянное недоедание вызвали бы у многих уныние, сломили бы всякое желание учиться. Но не таков был Сергей Киров. Целеустремленность и бодрость никогда его не покидали. Он интересовался не только работой в училище, но всегда стремился расширять свой кругозор, читал массу книг, любил художественную литературу и в беседах обнаруживал острый ум и критическую мысль. Окончил он училище одним из первых. А насколько трудно давалось учение его сверстникам, показывает тот факт, что из принятых в 1901 году 40 учеников окончили курс вместе с ним лишь шестнадцать.

Все технические знания, которые Сергей Миронович получил в школе, он воспринял основательно, и, думаю, что в его последующей революционной работе эти знания весьма пригодились ему, давали возможность успешно разрешать сложные технические проблемы, с которыми он сталкивался и в годы гражданской войны и в годы мирного социалистического строительства.

В своих отношениях с товарищами Сергей Киров отличался исключительной отзывчивостью, оказывал помощь в учебе всем, кто к нему обращался, и заслужил в училище всеобщие симпатии.

Независимый, смелый юноша никак не мирился с крайне стеснительными распорядками, какие существовали в дореволюционной школе и регламентировали жизнь учеников во всех мелочах, совершенно связывая их личную свободу.

Ученики обязаны были являться на утреннюю молитву. Им не дозволялось ходить в театр без особого разрешения, а такие разрешения в учебные дни не выдавались. Не разрешалось даже выходить из дому позднее установленного времени. Нельзя было носить длинные волосы.

По протоколам педагогического совета училища за ноябрь 1903 г. видно, что против учеников 3-го класса механического отделения возбуждено было серьезное «дело»: они обвинялись в отказе выполнить письменную работу по закону божьему, к тому же они посетили театр без разрешения начальства.

В числе проштрафившихся на первом месте был, конечно, Сергей. Их проступкам была придана окраска крамольного протеста, и Сереже с его товарищами грозило временное исключение из училища. Мне, однако, с группой преподавателей удалось опротестовать эту меру, и «бунтовщики» отделались карцером.

Как раз в это время я очень сблизился с Костриковым. Видя тяжелую нужду одаренного ученика, я предложил ему приходить ко мне обедать. Костриков согласился, и в течение целого года мы ежедневно виделись с ним у меня дома за обедом.

На всю жизнь остались в памяти беседы с юношей — долгие разговоры о жизни, о людях, о человеческих отношениях. Тщательно конспирируя свою связь с социал-демократическими кругами, Сергей все же вел у нас в доме страстные беседы на острые темы тех дней. Тонкость анализа различных явлений, какую обнаруживал Сережа, поражала и запоминалась надолго.

И сейчас, чем больше я гляжу на портрет покойного С. М. Кирова, тем яснее и яснее встают предо мной картины прошлого. И сквозь черты зрелого, мужественного борца проступает старый, давно знакомый облик Сережи Кострикова, ученика Казанского технического училища.

С. М. Киров на трибуне XVII с'езда партии.

В юношеские годы

Письма С. М. Кирова

Здравствуйте, Анастасия Константиновна. Поздравляю вас с наступающим праздником...

Да, наступает праздник, великий праздник, — но не для всех. Например, здесь есть завод Крестовникова (знаете есть свечи Крестовникова), здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников, а спросите вы их — зачем вы и в праздники работаете? Они вам ответят: «Если мы не поработаем хоть один день, то у нас стеарин и сало застынут и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей 50, а то и 100». Но скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться 100 рублей? — Ведь ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь: зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде. Почему это, как вы думаете?..

На-днях был в театре, шла драма «Болезнь духа». Нужно заметить, что автор этой пьесы—гимназист здешней 2-й гимназии, псевдоним его «Явицкий». Написано прекрасно весь театр был в восторге, но только нужно заметить, что очень тяжелая драма. В настоящее время этот гимназист уже по всей вероятности выставлен из училища, ведь вам известно наверное, что у нас в России в училищах велят делать только то, что нужно начальству, и так же думать...

Ну, а что ежели касательно меня — то у меня по обыкновению:

В груди гори-и-и-т
Огонь желанья,
В кармане денег
Ни гроша.

Ну, пока до свиданья!

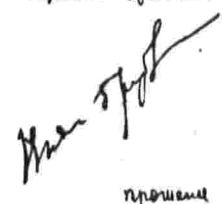
Клав. Мар. Мир., Ан. Кон., Юлии Конст., Анастас. Константиновне. (Вы, наверное, знаете ее?).

Буду ждать и терпеть...

Ваш Сергей.

Казань.
31 марта 1903 г.

○ ○ ○



В общество вспомоществования бедным ученикам Казанского промышленного училища

Ученика III класса [illegible] механико-технического Казанского промышленного училища Кострикова Сергея

Прошение

Покорнейше прошу Общество вспомоществования бедным ученикам Казанского промышленного училища выдать мне, Кострикову, пособие в размере 15 пяти рублей для уплаты за квартиру

Ученик III класса [illegible] механико-технического училища Костриков Сергей

1903 года
Октября 14 дня

Прошение С. М. КИРОВА о пособии для уплаты за квартиру, поданное им в 1903 году в «Общество вспомоществования бедным ученикам Казанского промышленного училища».

Б. ШУМЯЦКИЙ

Закалка

По снежной декабрьской Москве, по притихшим и скорбным улицам на лафете везли гроб Кирова — пламенного трибуна нашего.

Сотни тысяч лучших людей страны, об'ятые скорбью и гневом, шли за гробом Сергея Мироновича, а впереди их — друг и учитель Кирова, великий кормчий пролетарской революции—Иосиф Виссарионович Сталин.

Сталин шел с высоко поднятой головой, в своей обычной серой шинели и военной фуражке. Сталин, вероятно, вспоминал все свои встречи с Кировым. Мысленно видел прекрасный и кристально-чистый путь этого человека, и вся страна, пролетарии мира в эти минуты жили теми же чувствами скорби и негодования, жили такими же воспоминаниями о Кирове.

Чудесная сила была в этом человеке! Каждое его слово, каждый звук его взволнованного глубокого голоса зажигал сердца.

• • •

В 1905—906—909 гг., в далекие годы, овеянные дымкой революционной романтики, я имел счастье встречаться с молодым Кировым. В Сереже Кострикове тех лет только выковывался вождь революции, но все те черты, которые были характерны для Сергея Мироновича Кирова, были характерны и для Сергея Кострикова.

Он был душою томских большевиков того периода. Он организовывал боевую дружину и вел ее в бой как ее руководитель и рядовой боец. Это он формулировал боевые задачи томских рабочих и руководил многочисленными забастовками и демонстрациями, которые предшествовали бурным октябрьским дням 1905 года в Томске.

Январская забастовка печатников типографии Макушина, демонстрация в день похорон знаменосца томских революционных рабочих Иосифа Кононова, создание революционного лектория на томских общеобразовательных курсах, организация героической самообороны в дни октябрьского погрома, устроенного томскими черносотенцами,—все это неразрывно связано с именем Сергея Кострикова.

Я впервые встретился с Сергеем Мироновичем осенью 1905 г., но еще до этой личной встречи я знал Кострикова по восторженным рассказам о его революционных делах. Товарищи рассказывали об экспроприации печатного станка, о спасении Сергеем знамени томской демонстрации, о его организационных и редакторских способностях, и эти рассказы подымали нас в нашей борьбе, закаляли и вдохновляли.

Я не знаю, кто был автором знаменитой прокламации большевистского сибирского социал-демократического союза—«Сорок человек—восемь лошадей», но Сережа Костриков, несомненно, принимал участие в ее составлении и редактировании.

Через далекую Сибирь, к полям Маньчжурии, к лесным концессиям на реке Ялу, украденным у корейского народа капиталистами и царским двором, тянулись в те дни эшелоны царского воинства. Прокламация сибирских большевиков имела большой успех не только среди этих солдат, не только среди сибирских рабочих,—она с огромной быстротой разошлась по всей стране.

«Вокзал, свистит паровоз, грохочут вагоны. Жандармы и офицеры силой отрывают жен от мужей. Женщины плачут, голосят. У бородатых людей, и у тех текут слезы. Несчастных людей вталкивают в вагоны, и поезд отходит. Женщины пытаются цепляться за буфера, без памяти падают на платформу. Поезд уходит, а их отрывают. За платья женщин плача цепляются дети. Война—так царь захотел.

Сорок человек—восемь лошадей.

Тихо и уныло в деревне, кормильцев угнали, работы стоят. Кто справится с пашней? Из-за заброшенного поля, из-за околицы грозно выглядывает голод. Плачут дети. Печь не топлена. На последний гривенник жена нанимает писаря написать письмо. Но красные вагоны далеко угнали хозяина, и пока идет письмо, тело его наверное успеет уже сгнить в чужом далеком краю. Жди, жена. Ожидайте, дети. Война — так царь захотел...

Сорок человек — восемь лошадей».

Прокламация эта, часть которой мы сейчас привели, была замечательным документом в свое время, была образцом той простоты и вместе с тем глубокой принципиальности, с какой уже в те далекие годы вели революционную борьбу сибирские большевики.

Осенью 1905 года автор этих строк приехал к Сергею Кострикову в Томск и привез так называемую красноярскую программу железнодорожного союза. В те годы существовало несколько союзных уставов. В Иркутске эсерами и меньшевиками был выдвинут цеховой принцип об'единения. Мы противопоставили этому принципу создание отраслевых союзов. Устав союза надо было согласовать с сибирским социал-демократическим центром, и над выработкой различных профессиональных уставов и программ много работал в то время Сергей Миронович.

Мы встретились с ним на квартире у доктора Грацианова, и сразу же после первых слов меня охватило ощущение, что с Сергеем я знаком давно, больше того,— что мы с ним друзья и близкие люди.

В тот вечер Сергей Костриков должен был отвести меня, не знакомого с городом, на ночлег к одному из революционных товарищей.

Надо было итти на «Исток» (так называлось предместье города, расположенное за ручьем). Однако в квартире, которая предназначалась для ночлега, на сказанный мною пароль ответили недоумением, и мне пришлось вернуться к Сергею Кострикову, ожидавшему меня на улице.

— Ну что ж,—сказал Костриков,—завтра выясним, в чем тут дело, а сейчас пойдем искать другое место.

Мы пошли через весь город мимо низеньких деревянных домиков, закрытых, как крепости, огромными воротами и ставнями. Во многих домах, за воротами, бегали цепные псы. На улице было пустынно, и псы лаем провожали одиночных прохожих.

Мы шли и перебрасывались отрывочными фразами, но в одном из домов сквозь ставни чей-то голос напевал сибирскую песню: «Эх, темная ноченька, мне не спится, сам не знаю, почему».

Сергей Миронович остановился. Мы с удовольствием слушали глубокий грудной голос неизвестного певца. И когда песня окончилась, и мы зашагали дальше, Сергей Миронович сам запел ту же песню о темной ноченьке. Голос у него был приятный, но в отличие от незнакомого певца пел он эту песню в очень бодром темпе.

Отвечая каким-то своим мыслям, Сергей Миронович сказал мне:

— Эх, и здорово же у нас будет!

— Когда?—спросил я, думая о другом.

— А после революции,—просто и уверенно ответил Костриков, словно он уже видел своими глазами эту чудесную жизнь, словно слушал собственное свое выступление через 28 лет на XVII с'езде партии о хорошей жизни, о том, как хочется жить.

• • •

О Кирове можно рассказать многое. Но даже восстановив всю его прекрасную жизнь, проследив ее шаг за шагом, все равно обилия красок и черт не исчерпать.

В осажденной Астрахани, в центре гнуснейшего соглашательства в период гражданской войны — меньшевистской Грузии, в центре скрещения интересов соревнующихся в борьбе за русскую нефть империалистических клик — Баку, наконец, в городе Ленина, как в одном из форпостов пролетарской революции,—везде и всегда Киров вел массы за собой, воспитывал тысячи большевиков, был несгибаем в боях, ибо не было еще стали крепче, чем сталь ленинско-сталинской закалки.

К. РАДЕК

Пролетарский вождь

Миновал год со дня, когда вся страна была поражена известием о смерти Кирова, когда, не зная еще, кто убийца, вся страна ощутила одно: этот удар мог нанести рабочему классу только его злейший враг. Истекший год полон великой борьбы, великих побед, он насыщен боями и трудом, которые могли бы заполнить много лет...

После убийства Кирова один из товарищей, вернувшись из-за границы, сказал, что это преступление подонков троцкистско-зиновьевской оппозиции увеличивает военную опасность по крайней мере на 25 процентов. Враг снова начал рассчитывать на рост наших внутренних затруднений. Он просчитался! Преступление, совершенное в Ленинграде, было выражением отчаяния потерпевших полное поражение враждебных сил.

Когда мы теперь вспоминаем жизнь Кирова, эту прекрасную страницу истории рабочего класса, истории нашей партии, страницу, заполненную, словно четкими буквами, вереницей великих дел, — мы перечитываем эту страницу не только потому, что скорбим об утрате Кирова. Мы перечитываем ее, ибо эта жизнь показывает лучше, чем любые рассуждения, чем является большевистская партия и какую непобедимую силу она представляет.

• • •

В незабвенной своей речи на собрании, посвященном памяти Ленина, Сталин сказал, что большевики есть сыны нужды. И если прочесть сто биографий крупных большевистских организаторов, то, наверное, девяносто пять из них прошли тягчайшую школу нужды.

Не всегда нужда является школой, выковывающей бойцов. Многих она сломила, многих лишила воли к борьбе, во многих потушила искру гения. И не одна нужда может стать пружиной, толкающей человека на путь революции. Но тот факт, что громадное большинство большевистских руководителей имеет за плечами жизнь, проведенную в нужде, —этот факт не только свидетельствует о кровной спайке большевистской партии с народными массами. Это обстоятельство наложило неизгладимый след на характер наших вождей, на характер тех, кто организовал рабочую массу для борьбы с царизмом и буржуазией, кто сумел провести ее через горнило гражданской войны.

Киров, вышедший на жизненный путь из сиротского приюта, Киров, чья молодость прошла в ужасной нужде, есть символ нашей партии, есть символ той боевой части народных масс, которых нужда не смогла сломить и в которых она, напротив, воспитала величайшую силу.

Все мы знаем великую отзывчивость Кирова. По большевистски умея обращаться с миллионными цифрами, он одновременно ни на один момент не упускал из виду того, что рабочий класс, что крестьянство, что городская беднота состоят из миллионов единиц с их личными страданиями и радостями. Где был Киров, там чувствовалось тепло, излучавшееся человеком, который думал над тем, как помочь сынам нужды, как облегчить им участие в великой борьбе.

Рабочая масса видела в Кирове вождя на всем протяжении тридцати лет, в течение которых он вел революционную работу в ее рядах. Он умел показать ей, что большевистский вождь — это не громовержец, витающий высоко над нею и вдали от нее, а это товарищ, который сегодня требовал от тебя выдержать самое большое напряжение, вынести то, что невыносимо, а завтра поможет тебе перевязать раны, ибо он, как и ты, сын нужды, твой товарищ и друг.

Эта величайшая близость Кирова к народной массе придавала большую внутреннюю теплоту его речам. Он был настоящий трибун и по силе аргументации, в которой отражалось завоеванное в долгие бессонные ночи теоретическое образование, и по страсти, которая пропитывала его речи, и по глубокому грудному голосу, который мог от интимного разговора с массой переходить в громовым ударам и молниям сатиры. Но то, что придавало его речам особую силу, это была его великая спайка с массой, к которой он обращался.

Когда он говорил, он видел перед собою не просто аудиторию, то-есть зал, заполненный сотнями или тысячами людей. Он видел перед собою крестьян, вчера только скинувших ярмо помещика, еще не уверенных в силе социализма, в силе пролетарской партии, ошеломленных происходившей кругом ломкой жизни. Он умел внушить им веру в свои силы, веру в победу, ибо знал источники их колебаний. Он видел перед собою рабочую массу во всех ее прослойках — от старого кадрового рабочего, прошедшего школу нашей партии, считающего выполнение решений партии своим долгом, до только-что поступившего на завод молодого парня, которому надо раз'яснить цель, раз'яснить путь, которого надо подбодрить теплой улыбкой, шуткой, которого надо раззадорить и повлечь вперед перспективой великих подвигов.

Киров был великим народным трибуном, но он при этом был сдержанным человеком. В нем не было ничего от стремления блистать на трибуне, свойственного многим крупным ораторам. Он видел в своей речи острый меч, который вынимаешь из ножен, но которым не играешь. Он умел часами слушать других молча, ибо излюбленным его словом было дело.

• • •

Нужда толкала миллионные массы на бой. В этом бою одни прошли весь путь рабочего класса от нелегальных кружков до создания величайшей в мире державы, другие сломились, ушли в политическое небытие, третьи попали под влияние классового врага.

Киров прошел весь свой славный путь вместе с рабочим классом, строя его нелегальные организации, выводя его на улицу против казацких нагаек, строя нелегальные типографии, идя за рабочее дело в тюрьму, выковывая свое сознание пролетарского вождя. Вся история нашей партии есть история борьбы, и вся жизнь Кирова была заполнена этой борьбой.

История революционных боев народных масс, их попыток подняться, разбить врага, уничтожить нужду, создать новый, лучший строй, в полном об'еме, вероятно, будет написана не скоро. До октября 1917 года каждое восстание народных масс — древних рабов, крепостного крестьянства, современного пролетариата — разбивалось врагами. Враг не довольствовался тем, что провозглашал кровавый лозунг: «Горе побежденным». Он затаптывал побежденных в грязь и делал все, чтобы стереть след их революционной борьбы.

Часто, читая в произведениях буржуазных историков о революционных событиях, мы еле-еле догадываемся, о чем идет речь. Народные массы делали историю, но не писали ее. Ее писал победивший враг. Но если бы даже мировая история раскрыла нам свои несуществующие архивы, то она все же не смогла бы показать другой партии, столь непоколебимо шедшей на протяжении десятков лет к своей цели, невзирая на затруднения, не щадя ни пота своего, ни крови своей. Революционное движение имело в прошлом вождей, которые вспыхивали над горизонтом, как метеоры, и исчезали. Только большевистская партия создала в подполье, в годы жесточайшей реакции железные кадры, бессменно стоявшие на посту, не прекращавшие борьбу даже в тюрьмах.

Если иные классовые враги еще льстят себя надеждой, что могут нас разбить, то пусть они познакомятся с жизнью Кирова и спросят себя, имеется ли где-либо в мире командный состав, имеются ли где-либо в мире кадры, выдерживающие сравнение с теми, образцом которых был наш Киров.

• • •

Я как-то уже писал о разговоре, который мне пришлось вести с умнейшим представителем германской буржуазии—Вальтером Ратенау в германской тюрьме осенью 1919 года, после нашей победы над Деникиным. Он видел в этой победе конец остатков русского феодализма, сравнивал нас с якобинцами, но затем сказал:

— Военные победы — самая легкая вещь. Атилла тоже умел побеждать во главе своих гуннов. Посмотрим еще, как вы справитесь с хозяйством.

Три года спустя я говорил с крупным германским политическим писателем и историком, расспрашивавшим меня с большим вниманием о нэпе. Он задумчиво выслушал мои раз'яснения и сказал:

— Все эти планы вашим правительством продуманы. Но история еще не видела, чтобы те же люди, которые умели разрушать, сумели и строить. На этом вы споткнетесь.

Я часто вспоминаю эти слова, когда смотрю на руководящие кадры нашей партии, на наших хозяйственных работников, которые первую половину своей жизни посвятили делу разрушения царизма и буржуазии, а теперь руководят великой стройкой социализма. Я вспоминаю, как воодушевлялся Дзержинский, когда, не выпуская из рук карающего меча, смог взять в руки молот строителя социализма. Вся страна с восторгом смотрит, как командир гражданской войны Серго Орджоникидзе руководит величайшей промышленной стройкой. Когда видишь, как он вникает во все детали техники, которую приходится осваивать, то вспоминаешь со смехом предсказания «умных» буржуа о том, что большевики не сумеют заняться кропотливой хозяйственной работой.

Киров являл образец такого сращивания политического вождя, военного организатора с хозяйственным руководителем. Когда ему пришлось взяться за руководство восстановлением бакинской нефтяной промышленности, в период, когда у нас не было денег, чтобы купить за границей машины, когда в Баку было трудно с продовольствием, когда надо было собрать разбежавшиеся рабочие кадры, уже тогда Киров показал, как большевистский вождь способен совершать переход от бури и военного натиска к кропотливому собиранию кирпичей. Когда, переброшенный в Ленинград, Киров возглавляет борьбу за осуществление первой пятилетки, этот талантливейший вождь и одареннейший человек вырастает вместе со всем рабочим классом на десять голов, развертывает все скрытые в нем самом душевные силы.

Товарищи, работавшие с Кировым в Ленинграде, всегда рассказывали с восхищением о том, как он входил во все детали многосторонней строительной работы, которую приходилось проводить в таком сложном экономическом центре, как Ленинград. От производства электрических лампочек до турбин, тракторов и танков — во все он хотел вникнуть, все он хотел изучить. И изучил.

Иначе и не могло быть. Он — сын нужды — знал, что нужно строить дома для рабочих, что нужно строить заводы, которые дадут кирпич, железо, одежду, что нужно строить заводы, которые дадут крестьянству средства для увеличения урожая. Он — сын боевой партии, умевший не сдаваться в годы контрреволюции, умевший мобилизовать в Астрахани массы против врага, умевший поднять на борьбу крестьян Кавказа, — разве он мог отступить перед трудностями в Ленинграде, в своей родной рабочей стихии, где были родники энергии и энтузиазма? Разве он—ученик Маркса, Энгельса и Ленина, ученик и друг Сталина — мог отступить перед трудностями овладения новыми областями строительства и культуры?

• • •

Киров олицетворял лучшие качества нашей партии: ее нерасрывную связь с народной массой, ее мужество и непоколебимость, ее умение использовать буржуазное наследство, если оно необходимо рабочему классу. Эти качества живут уже в миллионах советских рабочих и колхозников, разбуженных революцией, воспитанных большевистской партией, воспитанных Лениным и Сталиным.

В лице Кирова, талантливейшего человека, с душой, полной природных богатств, эти качества нашли яркое выражение. Поэтому он стал одним из вождей партии, любимым соратником Сталина. И когда он погиб, укушенный подлой змеей, притаившейся в наших рядах, то чувство глубочайшей тяжести потери, чувство презрения и ненависти к подлым убийцам ни на один миг не умалило нашей уверенности в победе.

Перечитывая в газетах, вышедших в те дни народного траура, сотни воспоминаний о Кирове, мы говорим себе: как богата почва, на которой вырос Киров, как богата наша партия опытом, талантами, энтузиазмом, решительностью, если она могла вырастить таких вождей, как Киров.

Делами своей жизни он воздвиг себе памятник не только в сердцах миллионов рабочих и колхозников, но построил вещественный памятник, создав заводы, рабочие дома, колхозы. Никакая враждебная сила не в состоянии разрушить эти памятники большевистской твердости, дальнозоркости, большевистского руководства.

• • •

Сегодня, через год после смерти Кирова, мы с величайшей остротой ощущаем, как правы были партия и рабочий класс, ответив гнусным убийцам увеличением своей бдительности. Именно потому, что враг нас больше не может разбить, он будет пытаться наносить нам удары исподтишка.

Всю любовь, которую партия питает к памяти Кирова, она сконцентрирует на тех, кто руководит доведением до конца дела его жизни — дела строительства социализма, уничтожения нужды, создания зажиточной жизни и высокой культуры, осуществлением всего того, к чему стремился всеми силами своей души этот талантливейший вождь рабочего класса.

Р. РУБЕНОВ

В МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ГРУЗИИ

В 1920 году меньшевистская Грузия—один из плацдармов международного империализма — доживала последние дни. Знамя Советов, поднятое над пролетарским Баку, предвещало освобождение всего Закавказья от гнета буржуазии.

Между Советской Россией и меньшевистской Грузией был заключен договор, а Киров назначен советским послом в Грузию. С огромным нетерпением ждали его революционные рабочие Тифлиса.

Не случайно первое слово, которое услышали трудящиеся Тифлиса от советского посла Кирова, было посвящено правде о Советском Союзе, разоблачению меньшевистской клеветы против большевиков и советов. Перед зданием советского посольства собралась большая толпа. На балконе появился Киров. Этот коренастый, полный энергии и воли, с обаятельной улыбкой человек произнес с балкона блестящую, огненную, полную сарказма речь.

Весть о речи Кирова быстро облетела Тифлис. Меньшевистские власти, были встревожены. Газеты поместили злобные статьи о «после-демагоге». А среди трудящихся имя Кирова произносилось с любовью, с надеждой на скорую победу.

Через некоторое время я снова встретил Кирова во Владикавказе.

Не раз в своих выступлениях и личных беседах он говорил о советизации Грузии. С большим воодушевлением он помогал командованию перебросить красноармейские части через Мамисонский перевал и организовал отряд на помощь повстанцам в Грузии. Его беспокоил вопрос, сумеет ли отряд совершить зимний переход через непроходимый снежный перевал.

В феврале 1921 года в горах лежал такой глубокий снег, которого не помнили и старики-горцы. Сергей Миронович советовался с горцами, спрашивал нас о настроениях людей, которые должны совершить этот переход, посылал гонцов-горцев, чтобы организовать связь с местным населением и исследовать тропинки.

Раз поздно вечером он вызвал меня и категорически заявил: «Переход будет совершон». Он был взволнован и держал в руках *телеграмму Серго. Я не помню текста* этой телеграммы, но смысл ее заключался в том, что весны ждать нельзя, будет поздно.

...Мы шли с Кировым вечером по улицам Владикавказа. У редакции «Коммуниста» стояла большая толпа. Люди смотрели на плакат. Там были написаны два слова:

— Тифлис взят!

ИСТОРИЯ ПСЕВДОНИМА

... Он вернулся из тюрьмы в редакцию «Терека» в яркий летний день 1912 года. Чуть побледневший, но радостный, сидел он за столом. Взволнованные встречей с ним, шагали из угла в угол сотрудники газеты сутулый и улыбающийся Солодов и подвижной Розанов, который восклицал по временам:

— Перцов!.. Капустин!.. Ракитников!..

Но Мироныч каждый раз отрицательно мотал головой:

— Не годится.

Это придумывали для Мироныча новый псевдоним. Продолжать работу со старым было нельзя.

— Да посмотрите в календарь, Николай Петрович... А то живот болит от ваших овощных фамилий,—остановился на мгновение Солодов.

—Николай, Ольга, Мария, Кир...

— Кир!—опять остановился Солодов.—Кир!.. Киров—это замечательно!

— Величайший полководец—в подполье!—задумчиво улыбнулся Мироныч.—Ладно!

ДЗАХО ГАТУЕВ.

ПОЧЕТНЫЙ СТАРИК

Горцы любили и уважали Кирова за его простоту, доступность и умение ободрить человека.

На с'езде *горских народов Киров сказал:*

— При царском режиме художники буржуазии интересовались кавказскими горами потому, что над ними красиво реяли свободные орлы. Но они не замечали вас, орлов, живших у подножья этих гор со связанными крыльями.

Когда Киров приезжал в аул, в знак уважения для него резали барашка. Весь аул сбегался смотреть на Кирова, на «почетного старика», — так звали его почти все двадцать восемь народностей, населявших Терек. «Почетным стариком» у кавказцев зовется лишь тот, кто пользуется исключительным уважением, у мусульман — тот, кто не меньше пяти раз ходил в Мекку. А тут *«почетный старик»*—молодой энтузиаст-большевик.

ЗАУР ШЕРИПОВ.

С. М. Киров на 5-й Ленинградской областной и 2-й городской партконференции.

ДРУГ КРАСНОЙ АРМИИ

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

Год прошел с тех пор, как партия понесла тяжелый урон. Подлый убийца, ожесточенный враг социализма, подонок зиновьевско-каменевской контрреволюционной группировки лишил нашу партию и ее Центральный Комитет одного из самых твердых, одного из самых близких соратников товарища Сталина.

Красная Армия тяжело перенесла потерю С. М. Кирова. История гражданской войны тесно и неразрывно связана с именем Сергея Мироновича. С его именем связано и строительство Красной Армии в мирное время. Баку и Ленинград — вот крупнейшие наши районы, где Киров прилагал все свои силы к тому, чтобы укреплять боеспособность Красной Армии, растить ее политико-моральную мощь, преданность партии *и рабочему классу, закреплять единоначалие* и уровень боевой подготовки. Маневры, ученья, лагери, конференции—все это проходило при постоянном участии Кирова. Работая в Ленинграде, крупнейшем индустриальном центре Союза, Киров свою энергию и свой безграничный авторитет использовал для того, чтобы дать армии самую передовую технику. Артиллерия, танки, военно-морские силы и другие виды вооружений во многом обязаны энергии и организаторскому таланту Кирова.

В период гражданской войны Киров сыграл исключительную роль, являясь членом Реввоенсовета XI армии. Весной 1919 г., когда над Астраханью нависает угроза падения под натиском превосходных сил интервентов, С. М. назначается членом Реввоенсовета XI армии. Работа над упорядочением отошедших к Астрахани красноармейских частей, укрепление партийных организаций, упорядочение тыла и связи и, наконец, заботы об укреплении материальной части — вот чем характеризуется деятельность С. М. Кирова.

Когда в начале 1920 г. окрепший Астраханский фронт получает возможность итти на поддержку Кавказского фронта в его борьбе с Деникиным, Киров следует с XI армией на Ставрополь.

Немало блестящих страниц вписала за этот поход XI армия в историю гражданской войны, и громадная заслуга в этом деле выпадает на долю Сергея Мироновича.

Весной 1920 г. Киров подготовляет XI армию к поддержке и освобождению бакинских рабочих от меньшевистского правительства. Эта операция блестяще удается. Она явилась преддверием освобождения всего Закавказья.

Последние годы своей жизни С. М. Киров работает в Ленинграде. Кто не видел его на ученьях по противовоздушной обороне? Спокойно и пристально наблюдал и изучал он работу военных, партийных, заводских и прочих организаций, и на разборах его замечания и выводы всегда имели огромное политическое и практическое значение.

Кто не видел Кирова на строительстве укрепленных районов? Система укреплений и система огня, тактическое решение деталей обороны — все, все привлекало его внимание.

Страна потеряла героическую фигуру, и с этой потерей может примирить лишь героическая работа нашей партии, работа над перестройкой страны под руководством товарища Сталина. Смерть Кирова еще более заострила бдительность и партии и всего рабочего класса. Разоблачена до конца предательская контрреволюционная роль троцкистов и зиновьевцев. Одерживая новые победы, преодолевая новые трудности, мы с еще большей настороженностью следим за лагерем наших классовых врагов и разоблачаем его, несмотря ни на какие маскировки.

Все новые и новые успехи колхозной деревни и нашей промышленности, бурный рост стахановских методов производства, непрерывное укрепление мощи нашей непобедимой Красной Армии — вот самый жестокий приговор классовым врагам и самый лучший памятник С. М. Кирову.

«АЗЕРБАЙДЖАНУ С ЕГО ПЛАМЕННЫМ БАКУ ИЗ ГРАНИТНОГО ГОРОДА ЛЕНИНА!..»

П. ЧАГИН

Середина февраля 1926 года. Только-что закончилась XXIII чрезвычайная ленинградская партийная конференция. Зиновьевская оппозиция потерпела жесточайшее поражение. Большевистская организация города Ленина восстановила нарушенное зиновьевцами единство своих рядов, вновь сплотилась вокруг ленинского ЦК в твердой уверенности, что «новый Губком сумеет обеспечить самую тесную связь с ЦК партии, при помощи которого идет быстрое оздоровление организации и под руководством которого Ленинградская организация займет принадлежащее ей по праву место в рядах нашей славной партии» (из резолюции XXIII конференции).

Поздно вечером телефонный звонок в редакцию «Красной газеты». Сергей Миронович просит приехать к нему в «Европейскую» гостиницу, в 32-й номер, памятный номер, в котором он жил первые месяцы по приезде в Ленинград. Этот номер был в те месяцы подлинной штаб-квартирой борьбы против презренной антипартийной зиновьевщины, уже тогда показывавшей свой омерзительный контрреволюционный облик.

«Нужно как-нибудь потеплее ответить бакинцам на их приветствия», — говорит Сергей Миронович, когда я пытаюсь узнать у него о цели вызова. «Садитесь и пишите». Медленно и твердо, шагая из угла в угол, он диктует ответ на множество приветствий, которыми бакинские пролетарии и их большевистские организации тогда буквально бомбардировали его, своего горячо любимого Мироныча.

«Нет, ничего не выходит, — внезапно обрывает он диктовку,—нужно поскромнее, а то уж больно вождисто получается, неподходяще. Заезжайте утром в Смольный, если что выйдет — пошлем...»

Утром в Смольном по радостному, слегка даже сияющему лицу Мироныча чувствую, что вышло. Читаю, убеждаюсь, что действительно «подходяще» (говоря одним из *любимых Кировых словечек*), что в моих руках замечательный документ, который так и просится на страницы ленинградских газет. Но Сергей Миронович внезапно охлаждает мой пыл. «Прошу передать в Баку,—говорит он,—и в ленинградские газеты—ни-ни, создавать шумиху не к чему, решительно запрещаю». Сколько я ни просил, он остался непреклонен. Лишний раз дала себя знать необычайная, так хорошо знакомая каждому встречавшемуся с ним, скромность этого огромного человека, несгибаемого большевика, подлинного народного трибуна.

Оригинал документа сохранился у меня. Ниже он публикуется.

«Баку ЦК АКП БК АКП

Бакинский комитет — Лифшицу

Коммунист — Джабиеву

Закончилась чрезвычайная Губпартконференция, на которой подведены итоги работы Ленинградской организации после четырнадцатого с'езда партии. Оказалось, что за шесть недель, прошедших со дня окончания с'езда, сто с лишним тысяч коммунаров Ленинграда вполне разрешили стоявшую перед ними задачу. Они по-ленински оценили всю сущность новой оппозиции в партии и решительно, как и следовало ожидать, встали на защиту всех решений с'езда, *лишив какого бы то ни было политического* кредита свою делегацию на с'езде. Теперь вся организация Ленинграда, за самым незначительным исключением, охватывающим только отдельных товарищей, снова идет со всей партией, заняв свое давно заслуженное ею место.

Едва ли где-нибудь так подробно разбирались и обсуждались спорные вопросы нашей партии, как в Ленинграде. Два месяца вся организация жила этими вопросами и теперь твердо произнесла свое ленинское решение. Вся наша партия ждала этого решения. Видимо, с большим нетерпением следила за ходом дискуссии и Бакинская организация, что, между прочим, видно и из тех приветствий и пожеланий, которые я получил из Баку. Лучшим ответом на все это должны служить решения Ленинградской конференции, столь единодушно принятые. Они показывают, что Ленинская Партия умеет преодолевать затруднения и исправлять свои ошибки. Это является залогом наших дальнейших успехов в той трудной полосе, в которую мы вступаем.

Горячий, братский привет Азербайджану с его пламенным Баку из гранитного города Ленина!

С. КИРОВ».

С. М. Киров и Ф. Э. Дзержинский на XXIII Ленинградской губернской партийной конференции в 1926 году.

ОБЛИК ГЕРОЯ

Ю. БУТЯГИН

БЫВШИЙ КОМАНДАРМ XI АРМИИ

Автомобильные шины шуршали на льду. Грузовики с оружием и деньгами переправлялись через Волгу у Астрахани. Экспедиция во главе с Кировым двигалась на Кавказ, чтобы помочь XI и XII армиям, реорганизовать их, наладить снабжение, обеспечить победу.

События на фронте трагически укоротили наш путь. Мы встретили части XI армии в заволжской бездорожной степи. Армия отступала. И, следуя за ней по пятам, сыпной тиф устилал мерзлую землю тысячами трупов.

Путь на Кавказ был закрыт. Экспедиция повернула обратно, в Астрахань. Шел январь грозного и тревожного 1919 года.

* * *

...Три деревянных ящика были скреплены треногой от пулемета. В них было 5 миллионов рублей николаевскими деньгами — «железный фонд» экспедиции, предназначавшийся для нужд кавказских армий. И вот произошло несчастье. При вторичном переезде через Волгу под грузовиком, почти у самого берега, треснул лед. Мгновение — и машина затонула. Люди, едва успевшие спастись, молча смотрели на темную полынью, в которой еще бурлила вода.

Молчание нарушил голос Сергея Мироновича. Тон его был внешне спокоен. Это было спокойствие несокрушимой воли и мужества.

— Поднимем во что бы то ни стало!

Сергей Миронович берет на себя все хлопоты. Сам идет в Реввоенсовет, в штаб флота, добивается присылки водолазной партии. Начинаются подводные работы. Сменяя друг друга, опускаются водолазы на дно реки. Мы с волнением ожидали, когда вынырнет из проруби круглый водолазный шлем. И каждый раз—разочарование:

— Ящиков с деньгами нет!

Возле проруби разбита брезентовая палатка. Мироныч дежурит здесь долгими часами. Скрывая свое беспокойство и волнение, он подбадривает товарищей. Шутит, улыбается, время от времени начинает иронически напевать своим приятным тенором:

— Эх, ты Волга, мать родная, Волга русская река, не видала ты подарка от терского казака!

В Астрахани нас считали терскими, потому что в 1918 г. мы воевали на Тереке.

Снова подымается наверх водолаз. «Находка!» Два чемодана—Кирова и Эшбы.

— А ящики?

— Ящиков нет!

Быстро принято решение. Тяжелый скафандр *плотно охватывает коренастую фигуру* Сергея Мироновича. Его спокойное и решительное лицо скрывается в водолазном шлеме. И вот над головой Кирова сомкнулась темная вода полыньи.

Долгое тревожное ожидание. Не случилось ли с ним чего-нибудь? Первый раз в жизни, экспромтом взяться за работу водолаза! Наконец, сигнал под'ема. Медленно, как-то неохотно Сергей Миронович ступает на лед.

— Ну, что?

— Ящиков нет.

Что же? Безнадежная неудача? Отступление?

Сергей Миронович не меняет своих решений. Снова и снова, повинуясь его железной воле, *шарят водолазы по дну реки.* И на 11-й день поисков ящики, отнесенные течением на 35 саженей от места аварии, найдены и подняты наверх. Их увозят в надежное место. Намокшие деньги сушатся, бережно разглаживаются утюгом.

...«Не вида-ала ты подарка от терско-ого ка-зака!»

В голосе Сергея Мироновича — веселый юмор, молодой и жизнерадостный задор...

* * *

Враг стоял у ворот. В самом городе готовилось белогвардейское восстание. Киров остался в Астрахани, приняв на себя власть председателя военно-революционного комитета. Он жил вместе с нами—его ближайшими помощниками — в большой и пустой комнате, где постелями служили бурки, разостланные на полу. Конечно, он мог бы получить любые удобства. Но Сергей Миронович не мог допустить даже мысли *о том, чтобы как-то уединяться, отделить* себя хоть в бытовых мелочах от своих товарищей.

Утро начиналось рано. Очередной дежурный по «хозяйству» хлопотал о завтраке для нашей маленькой коммуны. И, ревниво соблюдая свою очередь, Сергей Миронович отводил все наши попытки заменить его. Весело громыхая чайником, он бежал в соседнюю чайную и приносил наш несложный завтрак: кипяток, хлеб и твердую, словно чугун, воблу.

А затем начинался день — боевой день большого человека, который перед лицом грозной опасности твердо решил спасти судьбу города и фронта. Киров организует помощь отступающим частям, посылает к ним навстречу транспорт, продовольствие, врачей, обеспечивает измученным бойцам отдых в городе. Выступает на предприятиях и в красноармейских казармах, склоняя на свою сторону колеблющихся, ободряя упавших духом. Готовит отпор надвигающемуся белогвардейскому восстанию.

По его приказу разоружены ненадежные части 45-го и 180-го пехотных полков, состоявших в большинстве своем из сыновей местных кулаков и прасолов. На чердаках домов по линии реки Кутума и по Канаве тайно установлены пулеметы. На военных судах в порту приведена в боевую готовность артиллерия. Весь военнооперативный план обдумывается до мелочей, и все люди расставляются лично самим Кировым.

Поздним вечером, усталый, но удовлетворенный, он возвращается в нашу большую, неуютную комнату.

— Надо сходить в баню!

Это — обязательный ритуал, совершаемый регулярно каждые 2—3 дня. Баня, по мнению Мироныча, — самое важное средство против сыпняка. Забравшись на верхнюю полку, он парится долго, жарко, со вкусом. Мы с азартом хлещем друг друга вениками и выходим из бани раскрасневшиеся, освеженные, бодрые.

Теперь нужно подремать несколько часов перед новым и трудным «завтра». В нашей маленькой коммуне невесело. Уже трое товарищей заболели сыпным тифом, их увезли в больницу. И вот четвертый — Оскар Лещинский — лежит в жару и иронизирует над самим собой:

— Карету мне, карету! Для перевозки сыпнотифозных...

Среди ночи я просыпаюсь от шороха. Мироныч возится у постели больного. Он меняет ему рубашку, промокшую от пота, вытирает его влажный лоб. Он ухаживает за больным, как терпеливая сиделка. И сквозь слипающиеся веки я вижу добрую улыбку Мироныча, его ласковые и заботливые руки.

Через несколько дней эти же руки беспощадно раздавили белогвардейское восстание в Астрахани.

...Когда отгремели орудийные выстрелы и на улицах Астрахани замолкла пулеметная дробь, город услышал железные слова Кирова:

«Белогвардейцы и все враги Рабоче-Крестьянской власти, дерзнувшие поднять свою подлую руку против пролетарской революции, разбиты», — писал Киров в своем приказе.

...«Вдохновленные золотом английских империалистов, они надеялись захватом Астрахани запереть советскую Волгу, но тяжелая рука революции беспощадно разбила все их планы... После решительного урока, преподанного белым бандам, все сознательные рабочие города Астрахани должны властно сказать: прочь, наглые шкурники, с нашей великой дороги! Не мешайте нам творить великое дело рабочей революции! Все сознательные рабочие, все защитники Советской России должны проявить строгую революционную дисциплину. Этого требует момент. Вслед за призывом—«смерть шкурникам» — должен раздаться другой, не менее революционный клич: «Все к станкам! Все за работу!» Помните, что каждая минута безделья есть преступление перед революцией, перед Советской Россией»...

И та же рука, которая несколько дней назад заботливо поправляла подушку больного товарища, дала суровое указание: ...«Наблюдение за внешним революционным порядком в городе Астрахани попрежнему остается в руках Совета обороны города: тт. Бутягина, Антонова и Чугунова, которым вменяется в обязанность самым беспощадным образом расправляться со всеми противящимися установлению порядка. На продолжающиеся выстрелы из домов нужно отвечать уничтожением домов...

Военревком С. Киров».

* * *

«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, — устье Волги было, есть и будет советским!»

Так сказал Сергей Миронович. И так было. Спокойная уверенность Кирова не покинула его даже тогда, когда враг взял город в железное кольцо, когда разведка белых появилась в 3—4 верстах от города.

Сергей Миронович решается на смелый шаг, который старому военному специалисту показался бы безумным риском:

— В строжайшей тайне вывести из Астрахани все части. Договориться с Раскольниковым, соединить эти части с матросским отрядом Кожанова, который направляется из Саратова в Астрахань по железной дороге. Соединенными силами нанести удар по глубокому тылу противника — на Ганюшкино, — базу белогвардейцев генерала Толстого.

— Другого выхода нет, — говорит Сергей Миронович, меряя шагами свой рабочий кабинет. — Ну, решаемся!

И круто остановившись у стола, он уже торопит с веселым нетерпением:

— Действуй, Юрий! Звони Раскольникову. Уже шесть часов утра, довольно ему спать, — мы не спим.

Через несколько минут точные, короткие приказы Кирова уже летели с нарочными к командирам частей.

...За 90 верст от Астрахани, в степи, выгрузился отряд Кожанова. За 2 дня он сделал изумительный переход, зашел в тыл противника и соединился здесь с астраханской частью, которая в тяжелых боях продвинулась в район Ганюшкина.

Сокрушительный удар, направленный Кировым, попал в сердце врага. Белые были опрокинуты и сброшены в море. Телеграмма, подписанная Кировым и командармом XI армии Бутягиным, несла в Москву радостную весть:

...«В течение 10-дневных боев нами взято: свыше 5 тысяч пленных, около 6 тысяч винтовок, 117 офицеров, 128 пулеметов, 23 орудия, 2 миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и проч. Таким образом, враги Рабоче-Крестьянской России потеряли еще одно звено — астраханское казачество. Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу».

«Почетным стариком» называли Кирова в терских аулах. И вот, «почетный старик» снова возвращался на Кавказ — победителем врага, защитником трудового народа.

АМУР САНАН

В ОСАЖДЕННОЙ КАЛМЫКИИ

С Сергеем Мироновичем довелось мне встретиться в Астрахани в героические годы гражданской войны. Киров, представитель ЦК партии, политический и военный руководитель астраханского фронта, всегда занятый *и перегруженный, находил время* для того, чтобы разобраться и в делах калмыков.

Белогвардейские банды все теснее сжимали Астрахань кольцом. В городе не было хлеба, среди неорганизованных рабочих были сильны анархо-эсеровские настроения.

В эти трагические месяцы революции во весь свой гигантский рост показал себя Сергей Миронович Киров. Бесстрашный боец, пламенный оратор, он был везде, бодрил всех, его голос звучал призывным колоколом.

Вскоре при непосредственной помощи Кирова была создана кавалерийская калмыцкая бригада.

Гражданская война все обострялась и в калмыцких условиях принимала особо ожесточенный характер.

Сергей Миронович высказал соображение, что мне необходимо выехать в Москву — к Ленину и Сталину.

— Расскажи им, — говорил Сергей Миронович, — о положении калмыков; расскажи, что почти вся территория захвачена белыми, интеллигенция предала.

На другой день, прощаясь, Сергей Ми*ронович посоветовал мне: «Добейся декла*рации правительства о правах калмыцких масс».

Сначала я побывал у народного комиссара по делам национальностей — товарища Сталина, потом был и у Ленина.

Через три месяца родилось знаменитое обращение Ленина к калмыцкому трудовому народу.

С этим историческим документом мы жарким летом девятнадцатого года верну*лись в степи. Я сразу явился к Сергею Ми*роновичу Кирову. При его помощи обращение в сотнях тысяч экземпляров было отпечатано и распространено на всех участках фронтов, прилегающих к калмыцкой территории.

Ранней весной двадцатого года, когда части Красной Армии заняли Царицын, я опять был у Сергея Мироновича. «Вот видишь, — как всегда улыбаясь, встретил меня Сергей Миронович, — вот видишь, *мы и победили; калмыцким товарищам,* всем вам надо выехать в степь; вы будете следовать по пятам бегущих белогвардейцев и строить советы».

— Теперь постоянные советы, — весело согласился я.

Мы расстались. Задание партии, советского правительства, задание Сергея Мироновича было выполнено. По всей обширной степи были созданы первые прочные советы.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В 1919 году ЦК партии командировал нас, четырех молодых коммунистов, на Кавказ, на подпольную работу. Помнится, в сентябре мы приехали в Астрахань.

Непосредственную связь Москвы с кавказским подпольем осуществлял С. М. Киров. Все работники, направлявшиеся в Баку через Астрахань, проходили через Сергея Мироновича.

В Астрахани прямо с вокзала мы отправились к Кирову. *Принял он нас необычайно* радушно. Первым делом справился: не голодны ли, есть ли у нас папиросы, деньги. Рассказал, каким путем поедем, нарисовал обстановку предстоящей работы.

В ожидании отправки пришлось прожить в Астрахани дней шесть—семь. Почти каждый день мы наведывались к Сергею Мироновичу. Он всегда интересовался, как мы устроились, как питаемся.

Наступил день от'езда. Сергей Мироно*вич в последний раз тщательно проин*структировал нас, дал самые подробные указания, как себя вести. Он передавал нам, молодым членам партии, свой опыт подпольщика-конспиратора, умеющего хранить тайну, умеющего уходить от рук полиции.

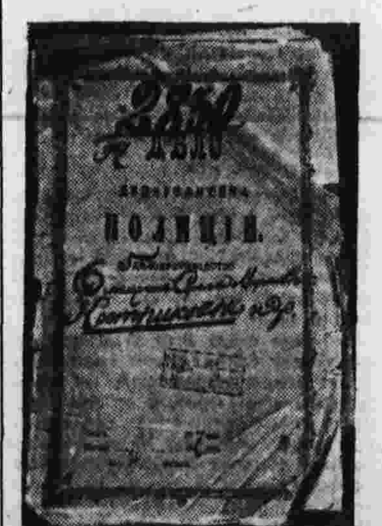
Поздно ночью, часа в два, Сергей Миронович пришел на пристань нас проводить. Он внимательно осмотрел нашу лодку, проверил, как мы разместились, взяли ли с собой все нужное, а затем предложил вместе поужинать.

Киров рассказал нам несколько эпизодов из своей подпольной работы, шутил и смеялся. Помню, как он сказал: «С каким бы удовольствием я поехал с вами».

Сергей Миронович окружил нас заботой, сделал все, чтобы нам было хорошо, чтобы мы уезжали в бодром настроении. Порой становилось неловко, что такой занятой товарищ тратит на нас так много времени. Глубокое чувство признательности, большой товарищеской любви осталось к нему уже на всю жизнь.

Уезжали мы счастливые. Только жаль было расставаться с дорогим, родным Кировым.

НИНА ЛОРДКИПАНИДЗЕ.


ПОЛИЦІИ

Одно из дел департамента полиции о С. М. Кострикове (Кирове), относящееся к 1907 году.

С. М. Киров и А. И. Угаров (1934 г.).

Встреча

Молодежь собиралась в Смольный на совещание. Было весело и радостно. Я плясала русскую и пепа. Вдруг слышу:

— Маша, перестань! Киров пришел.

А пела я песенку:

«Мы—комсомольцы, веселая братва.
Кудрявый волос да звонкие слова».

Киров засмеялся и подозвал меня к окну. Когда я подошла, он мне говорит:

— Вот видишь—это все для вас. Видишь, как свободно ходят пионеры,—всем сейчас живется хорошо и весело, но помни всегда, что за все это отдали жизнь лучшие наши сыны.

Его окружили ребята. Поглядев на нас, Киров сказал, что ему хотелось бы лет на пять быть моложе. Я его спросила, почему у него такое желание.

— Чтобы быть вместе с вами и с песней вашей,—ответил он.

М. ДИМИТРОВА.
Работница-накладчица.

* * *

...Нет, такие дни не забывают!
Не бесславие выпало, а честь:
Киров мне сказал:
— Ты—мировая!
Может мировая я и есть!
По порядку:
В Смольном было дело;
Молодости доля не тесна.
За окном на всех крылах летела
Краснозорьем взятая весна.
Чем она манила?
Встречей вдруг,
Яблони стремительным цветком,
Синим небом,
Звездами,
Прохладой.
Я пошла плясать, взмахнув платком,
А за мной еще
Веселой стайкой
Парни и девчонки мне подстать.
Вдруг, как закричат все:
— Перестаньте! —
— Почему, ребята, перестать?
— Я еще не топнула, как надо!
— Перестань! —
Кричали мне одной.
...Если в этот миг была отрада,
То она была передо мной!
Киров!
Все на свете забывая,
Сцела я любимую, одну.
Он тогда сказал:
— Ты — мировая!
И подвел к высокому окну.
За окном весна. И ветер-вестник,
Половодье всех озер и рек.
У окна стоял простой, как песня,
Сердцем полоненный человек!
Слово жгло и слово утешало.
— Лучшие,—сказал он,—шли к боям,
Для того, чтоб радостней дышалось
И тебе и всем твоим друзьям.
И еще о многом.
Как отвечу?
Вот пройдут весны моей года,
Многое забудется,
Но встреча
Ни за что на свете.
Никогда!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ.

Большевик на вахте

Нет, об этом человеке нельзя говорить, как об ушедшем. Трудно, невозможно себе представить, что Кирова нет среди нас. Все вокруг напоминает о его делах. Он бессмертен, ибо при решении каждой новой исторической задачи жизнь павшего борца воспитывает нас, учит искусству большевистского руководства.

Когда я слушал в Большом Кремлевском дворце на всесоюзном совещании стахановцев речь товарища Сталина, я не мог не вспомнить нашего Мироныча.

Речь вождя, раскрывающая необозримые творческие горизонты победившего пролетариата, новым и ярким светом озарила память о Кирове — о человеке сталинской политики, сталинской воли, ближайшем соратнике и друге Сталина.

...1930 год. В стране разрасталась могучая колхозная стройка, начался коренной поворот крестьянства к счастливой колхозной жизни. «Красный путиловец» (теперь Кировский завод) получил правительственный план — выпустить во втором году пятилетки 10 тысяч тракторов.

В среде специалистов завода еще гнездились вредители. Их материалами и подсчетами оперировали оппортунисты, стоявшие во главе хозяйственного руководства завода. Все консервативные, враждебные силы ополчились против «непосильной программы». И тогда на завод приехал Киров.

— Не знаю, готовы ли вы технически овладеть 10-тысячной программой, но коммунистически вы к этому готовы и сможете не только ее выполнить, но и перевыполнить. На то вы и краснопутиловцы!

На технику Киров смотрел глазами гениального большевистского политика. Чувство коммунистической убежденности, глубокой веры в нашу окончательную победу он воспитывал в каждом большевике, каждом рабочем.

Киров верил в творчество масс. И вскоре родился первый встречный план: вместо 10 тысяч тракторов краснопутиловцы обязались выпустить 12 тысяч. Этот план был успешно выполнен.

Однажды он приезжает на завод. Как всегда, заходит в партком (партийную организацию он никогда не обходил), зовет секретаря парткома, директора в цех. Пошли. Мироныч беседует с рабочими. И тут заметил одну деталь: парторг цеха тов. Каримов и цеховые руководители идут позади всех, стараются не попасться на глаза Кирову.

— Если бы ты был уверен в выполнимости задания, — сказал он, вдруг обернувшись к Каримову, — то ходил бы впереди и гордо рассказывал бы о цехе, его людях и возможностях, а то где-то позади плетешься.

Эффект был поразительный! Киров нащупал главную болезнь — неуверенность людей. Здесь же он ободрил их, помог по-новому оценить свои возможности, — и снова победа была обеспечена.

Особенно любил Сергей Миронович партийную работу. В этом характернейшая черта Кирова как руководителя.

Он растил и закалял кадры партийных работников Ленинграда, хорошо знал и высоко ценил талантливую партийную молодежь, воспитывая в каждом из нас любовь и гордость за партийную работу.

Это был большевик, который всегда неустанно стоял на вахте, бдительно охраняя интересы партии. Ему обязаны ленинградские большевики своей сплоченностью, монолитностью, верностью Центральному Комитету. Благодаря Кирову в решении всемирно-исторических задач пролетариата ленинградские большевики занимают достойное место.

И. АЛЕКСЕЕВ.
Секретарь Кировского райкома ВКП(б).

«Трепещите, враги народа!»

Май 1919 года. Разгар гражданской войны...

Красный флот стягивается на Волгу, но контрреволюция посылает на красные корабли своих агентов, исподтишка ведут они провокационную работу, пытаясь предать наш флот белым.

И вот появляется Киров. Он подходит на катере к тому кораблю, где команда наиболее разложена провокаторами, поднимается на палубу и властным жестом призывает к вниманию. Уверенно звучит его речь, его голос распространяется по кораблю, овладевает командой. Все стоят покоренные его мужеством, его пламенностью. В настроениях команды наступает перелом. Нет больше веры контрреволюционным провокаторам. Силе кировской убежденности не может противостоять никто.

Много подобных замечательных эпизодов помнят моряки. Они помнят, как в 1919 году, плавая на миноносце по Каспию, Киров руководил захватом форта Александровского, как с его участием была открыта радиостанция белых...

Киров приехал в Ленинград в тот период, когда начался расцвет технической мощи Советского Союза, и он все делал для того, чтобы новой техникой насытить и Красный флот.

С первых же дней Киров тесно связался с Краснознаменной Балтикой.

С исключительной внимательностью осматривал он боевое снаряжение кораблей, интересовался каждым прибором и каждым механизмом, интересовался, как учатся овладевать техникой молодые моряки: есть ли в военно-морских училищах учебники, хороши ли там преподаватели.

Незабываемы дни, проведенные Сергеем Мироновичем в походе на «Марате». Веселого, жизнерадостного, пытливо изучающего каждую деталь краснофлотской жизни Мироныча мы встречали на палубе линкора, в кубриках, где он беседовал с моряками, на вечерах краснофлотской самодеятельности, в кают-компании за беседой с командирами...

...Сергей Миронович встретил на палубе линкора краснофлотца-электрика Богданова.

— Как служите? — спросил Киров.

— Я — молодой электрик, товарищ Киров, — ответил Богданов. — На «Марате» получаю практику.

С. М. Киров стал говорить о том, что на «Марате» можно многому научиться. Нужно только всем учиться, и тогда линкор превратится в прекрасную «техническую школу».

Прошло много времени, и вновь Киров встретил на «Марате» того же моряка. Он тотчас его узнал.

— А, старый приятель, мы с вами уже встречались. Как учитесь?

Киров умел запоминать людей. Он был чрезвычайно внимателен к сынам трудового народа. Говоря с человеком, он стремился помочь ему, воспитать его.

Всей своей жизнью Киров учил нас бесстрашному мужеству, большевистской партийности, непримиримой ненависти к врагу.

Киров убит подонками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Но никогда Киров не умрет в сердцах миллионов. В траурные дни похорон Мироныча тысячи краснофлотцев писали простые и искренние строки о Кирове. В них была и печаль о великой утрате и огненная ненависть к врагам. В эти дни написаны сотни песен о нем людьми, никогда до того не писавшими стихов. Краснофлотец Лебедев так выразил общее настроение бойцов:

«Трепещите, враги народа,
Дело Кирова живет.
Пулей не срезать крылья
Страны, идущей на взлет».

Сильны наши крепости. Метки наши орудия. Мощны наши корабли. Но еще сильнее и мощнее наша большевистская убежденность, преданность делу партии, пламенная идейность, которым учил нас Киров. С этим оружием мы непобедимы нигде и никогда.

А. ГРИШИН.
Начальник политуправления краснознаменного Балтфлота, комиссар 2-го ранга.

НОВАЯ ЖИЗНЬ НАШЕЙ СМЕНЕ

Собрали нас, беспризорников, в трудовую колонию. Было это в 1927 году. Для беседы с нами приехал Киров.

Приход его нас сильно смутил. Когда же он, улыбаясь, сказал: «Здорово, коммунары! Знаете, зачем я пришел? Я пришел рассказать вам о новой жизни, которая принадлежит вам»,—мы были поражены. Так с нами, беспризорниками, еще никто не разговаривал.

Горячими, волнующими словами говорил он нам о пионерах, о комсомольцах, о прекрасной будущей жизни, которая принадлежит нам. Это нам-то, беспризорникам! И не верилось, и вместе с тем нельзя было не верить: уж очень по-родному звучали теплые, чуткие слова.

Для очень многих эта беседа была поворотным пунктом в жизни.

Он говорил: «Вы будете инженерами, летчиками, шоферами, музыкантами, артистами, машинистами»—и сейчас уже многие из нас стали инженерами, летчиками, машинистами и т. д. Как будет прекрасно, когда я через пять лет крепко зажму в свои лапы диплом инженера!

В. ГОРБУНОВ.
Студент Автодорожного института.

УЧИЛСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА

Этот человек, невероятно занятый напряженной партийной и государственной работой, находил время и считал нужным повышать свою техническую грамотность.

Однажды меня вызвали к нему. Сергей Миронович подробно расспросил меня, по каким учебникам, каким методом можно *при наименьшей затрате времени* изучить сопротивление материалов и детали машин. Тогда тяга к технической учебе хозяйственников-директоров еще не была сильна.

В Ленинграде Сергей Миронович первым взялся за учебу.

Я составлял план занятий и давал ему различные специальные указания.

При разговорах поражали редкая осведомленность Кирова в технических вопросах, знакомство с технической литературой. Он, например, расспрашивал меня о многих специальных учебниках, о технических книгах, названия которых знакомы вообще лишь специалистам.

— Для чего надо вам иметь втузовскую подготовку?—бывало спрашивал я.

И тогда Сергей Миронович отвечал, что большевикам-руководителям знать сопротивление материалов так же необходимо, как и сопротивление классового врага.

Профессор А. ТАНСКИЙ.

По совету Мироныча

Однажды при разговоре Киров мне сказал:

— Какой же ты правитель—член Ленинградского совета, если даже читать как следует не умеешь. Начни учиться, и тогда ты увидишь, что трудно только начать, а потом уже учебу не бросишь.

Послушавшись совета Кирова, я начала учиться и спустя несколько лет, на одном собрании, я послала Сергею Мироновичу записку:

«Товарищ Киров, я поступаю в комвуз. Это пишет та Васильева, которой вы советовали учиться».

В начале 1934 года, когда я уже училась в Академии легкой промышленности, я снова была у Сергея Мироновича. Он встретил меня, как старую знакомую, и сказал:

— Не останавливайся на полдороге, доведи *дело до конца*.

Я не раз слушала Кирова. И каждый раз после его выступления все становилось ясно, просто и понятно.

Е. ВАСИЛЬЕВА.
Работница-выдвиженка ленинградской фабрики имени Бела Кун.

—o—

ТРЯХНЕМ НАШУ ЗЕМЛЮ

— Жили бы мы с вами на таком месте, как пустыня Сахара, — говорил Киров, — господа империалисты чувствовали бы себя спокойнее. А мы живем и работаем по Марксу и Ленину на богатейшем куске земного шара, который располагает решительно всем.

— Ломоносов, — указывал он, — еще двести лет назад говорил, что Северная область богата ископаемыми. И мы должны тряхнуть нашу землю...

И везде и всегда Киров подчеркивал, что нужно лишь искать, — тогда мы найдем все, что хотим. К этому звал он научные силы, всех рабочих, работниц и молодежь. Даже пионеры знали: когда находишься за городом, в лагерях, — собирать в лесах и полях камешки и показывать их геологам, запоминать, где камешки найдены, ибо там могут оказаться руда или еще какие-либо полезные ископаемые. Академия наук, геологоразведочные учреждения и научно-*исследовательские институты под влиянием* Кирова все свое внимание обратили на изыскание богатств области.

И что же? Мы имеем теперь Хибиногорск.

Нашли уголь, шунгит, сапропелит, медь, железо, вольфрам, а при строительстве Беломорского канала — золото, свинец, ртуть.

П. ДАНИЛОВ.
Выдвиженец Кировского завода, зам. управляющего комбинатом в Луге.

Он ненавидел фразерство

Великий ученый древности Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Такую точку опоры мы получили в учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, опираясь на которую, мы перевернем весь мир, — сказал в одной из своих речей Киров.

А как воспитывал у нас Киров чувство любви к товарищу Сталину! Когда он упоминал имя товарища Сталина, он говорил так, что все чувствовали величие этого титана пролетарской революции. С какой страстностью он боролся за выполнение указаний вождя! На XVII с'езде партии Киров внес предложение не принимать никакой резолюции по докладу товарища Сталина, а принять все его положения и выводы как незыблемый партийный закон.

Подчеркивая огромное значение революционной теории, Киров здорово ругал нас за пренебрежение к основам знаний.

Он всегда предостерегал комсомольцев от фразерства, от всякого внешнего блеска и мишуры. Как-то на собрании актива в Володарском районе выступал какой-то пустозвонный паренек. Он махал руками, декламировал. Киров, присутствовавший здесь, сразу же заинтересовался, откуда взялся такой кривляка и болтун. Узнав, что «оратор» окончил институт агитации, Киров специально занялся этим институтом.

Л. ГУСЕВ.
Секретарь парткома Пролетарского завода в Ленинграде.

—o—

СЕРДЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Однажды, при спасении английского тральщика у острова Кильдин, осколок железа попал мне в глаз. Отправили меня в Ленинград, а там врачи решили удалить пораженный глаз.

Что делать? Глаза лишаться жаль, а вызывать профессоров не на что. Решил обратиться к Сергею Мироновичу Кирову.

Написал письмо, сделал надпись «весьма срочно» и отправил в Смольный, товарищу Кирову. В письме я рассказал о случившейся со мной беде.

В тот же день, в 10 часов вечера, ко мне приехали на консилиум хирург проф. Джанелидзе и профессора из Военно-Медицинской академии. Посоветовавшись, они решили раненый глаз не удалять, а лечить. И действительно, глаз стал постепенно поправляться.

После проф. Барсук мне говорит:

— Тов. Чухчин, вами интересуется Сергей Миронович Киров. Он спрашивал меня, как себя чувствует больной...

А. ЧУХЧИН.
Моряк.

С. М. Киров на охоте вблизи Ладожского озера.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Секунду назад, положив на стол свои большие руки и одновременно хмурясь и усмехаясь, он еще нетерпеливо слушал овации. Но вот он сказал:

— Товарищи!

И, услышав его голос, веселый и сильный, собрание затихает, а Киров, миновав традиционное ораторское вступление, с силой и страстью прорвался к своей теме; и люди, слушая его, забывают о себе, с восхищением, с восторгом следят за его движениями, свободными и по-военному точными *в то же время*.

Он берет слова, истрепавшиеся в повседневном употреблении, — «промфинплан», «себестоимость», «борьба с потерями», «коммунальное строительство», «огороды», — и освежает и омолаживает их. И люди то смеются, то неистово аплодируют, то напряженно затихают и ловят каждое его слово, каждый его жест, каждую интонацию, которой он обгоняет слова.

С напряженной и страстной точностью разбирает он вопросы текущего дня революции. «Все это как будто бы прозаические вещи, но на общем фоне гигантской социалистической стройки они приобретают то поэтическое значение, которое должно воодушевить самых почтенных из нашей плеяды пролетарских поэтов и писателей».

В ритме его речи слышно биение пульса его большого сердца, и в голосе его звучат такие торжествующие громы, которым сродни только громовые раскаты «Героической симфонии» Бетховена. «Трудно представить себе более ответственную, но вместе с тем и более счастливую эпоху, чем ту, в которой мы с вами живем и боремся», — говорит он, развернув плечи и выпрямившись.

Однако в грандиозной архитектуре его речей подобного рода патетические взлеты возникают лишь вызванные логикой развития самого предмета его речи, как ясное и яркое обобщение, как образный сгусток одной части доклада и переход к другой.

Грозное, веселое и воодушевленное: «А ведь мы на войне, товарищи!» — ведет за собой: «Идет наступление, там впереди стреляют, убить ведь могут, лучше отсидеться». И начинается трезвый и безжалостный анализ различных категорий шкурников, трусов и дезертиров. Этот анализ по силе проницательности и наблюдательности сделал бы честь любому крупному писателю школы критического реализма. Но в арсенале Кирова он представляет другую сторону его большевистской сущности, которая в моменты патетических под'емов создает замечательные образы поэтической речи...

Кировская ненависть к врагам рабочего класса, проницательная, страстная и трезвая, имеет в себе всегда элемент презрительного смеха — он смотрит на врагов с неизмеримых высот мировоззрения рабочего класса, ему сверху видны все их грязные делишки, хитренькие маневры, даже душевные движения.

Он преследует партийных изменников с последовательностью и неутомимостью, достойной такого ученика Ленина и Сталина, каким он был. Он создает в своих речах своего рода портретную галлерею различного рода партийных уклонистов—правых и «левых», сознательных и проявляющих себя «только» на практике, и, наконец, на с'езде победителей, как бы подытожив все свои многолетние наблюдения, он создает тот шедевр, который называется — «о тех, кто просидел в обозе».

Но орудие смеха он направляет не только для того, чтобы уничтожать врагов. Кировская усмешка, подстегивающая, поддразнивающая, будоражащая, все время играет в его речах: «Пройдет еще годик, может быть нам привезут огурцы из ЦЧО, из Дагестана, а потом и скажут: «Пора и честь знать. Никто вас кормить огурцами, хотя вы и почтенные и очень уважаемые строители социализма в Ленинграде, не будет, никто вам за тысячи верст огурцы возить не будет».

Если против врагов партии его смех обращается беспощадной сатирой, то своих людей он высмеивает с тонким юмором, который, однако, обязательно заставляет задумываться. Кировское веселье — исключительно легко и незаметно переходит в серьез. Мне запомнилось, как на одном из своих выступлений в весну 1933 года он нарисовал портрет сельского работника, зажиревшего и утратившего поворотливость... Идет посевная, район его отстает. Из Смольного ежедневно разговаривают с ним по прямому проводу, — парень совсем захлопотался,—и вдруг прямой провод возьми да оборвись — и сразу стало попрежнему в районе так тихо, спокойно — «раземленье, заземленье...» Сергей Миронович передает своим голосом состояние души потревоженного уездного бюрократа, интонации притворной озабоченности, с трудом скрываемой радости. Собрание смеется. И вдруг, чуть помолчав, не повышая тона, Сергей Миронович напоминает, как совсем недавно в одном из районов, воспользовавшись моментом, когда прервана была связь, убили председателя сельсовета, замели следы до приезда следователя...

И Сергей Миронович переходит на язык военной тактики, воодушевляющий и бодрящий, он говорит о роли связи в посевной кампании: «Так вот, товарищи, надо, чтоб на проводах не болталось ни железок, ни тряпок, ни змеиных хвостов...» В голосе Сергея Мироновича опять где-то глубоко слышен смешок, но этот смешок только еще ярче заставляет представить себе тот вековечный уездный пейзаж, на фоне которого произошло убийство председателя сельсовета: ухабистая дорога, кочкарник, редкие деревеньки — и провода, провода, протянувшиеся из пролетарских штабов единственной линией связи, провода, на которых болтаются тряпки, змеиные хвосты... Нет, никто не смеется... Всем ясно, что на *этом совещании* о роли связи говорилось угрожающе мало: «Ведь идет война, товарищи!»

В этой же замечательной речи Сергей Миронович довольно добродушно высмеивал некоего начальника политотдела, прибывшего в свою МТС накануне раннего сева; он и вообще-то никогда не сеял, а тут в нарушение всех и всяческих традиций — ранний сев... В атмосфере общего недоброжелательства и недоверия начал он сеять и испугался: дай, думает, подожду... Пошли дожди — дай, говорит он себе, я дожди пережду, а потом и начну. Дожди идут — время идет, а он все стоит. «А время, товарищи, ведь оно не стоит, оно обладает таким свойством: ты решил—дай постою, а оно не стоит, оно все идет и идет...»,—усмехаясь, говорит Сергей Миронович, выразив этими простыми словами, чуть что не пословицей, один из тезисов материалистической философии—об об'ективности категории времени... И юмористический образ начальника политотдела, растерявшегося перед задачей раннего сева, разом приобретает философски-моральную остроту: раз избрал путь пролетарского революционера, никогда не останавливайся, не теряйся — иди вперед...— время не ждет...

Ключ к пониманию ораторского дарования Кирова нужно искать в том, что он в течение одной речи от «прозаических» вопросов революции вдруг взмывал на высоту, с которой видны отдаленнейшие перспективы поднятого вопроса, и тут же от громового пафоса переходил к трезвой деловой критике.

Он мог наэлектризовать аудиторию эпическим, почти песенным восхвалением того уровня техники, которым владеет ленинградский пролетарий, и, вызвав неистовый взрыв аплодисментов, тут же вытащить из кармана ложку, показать ее еще *аплодирующему собранию и сказать*: а вот ложек делать не умеем... Приходит наш знаменитый пролетарий в столовую, берет ложку, и гнется она у него в руках, как бумага гнется. И на фоне смущенного смеха блестяще развить ленинскую, сталинскую тему о внимании к мелочам—именно в преломлении к задачам освоения техники.

Стенограммы не дают полного представления о живом слове Сергея Мироновича. Говор передовых людей народа, пролетариев русских промышленных городов, еще не утративший всего богатства крестьянской речи, но освобожденный от всяких ее провинциализмов и идиотизмов и обогащенный всеми достижениями русского литературного языка, — вот язык речей Кирова.

На фронте с красноармейцами; на партийном собрании, побивая оппозиционеров; на рабочем митинге, призывая к производственному наступлению; делая доклад партийной конференции; заключая последним словом работу пленума горкома; выступая на партийном с'езде; беседуя с академиками, инженерами и колхозниками-ударниками, — он щедро и обильно рассеивал те особенные слова, которые запоминались на всю жизнь, которые очень часто ложились в самое основание духовного роста человека. Он был живым голосом партии. Большевизм играл в его речах всеми красками богатейшей его индивидуальности, большевизм приводил в движение его ораторский талант, дошедший до виртуозности...

Всю жизнь он продолжал вдохновенную речь о пролетарской революции, и чем грозней и победоносней становилась пролетарская революция, тем сильнее нарастала крепящая нас, разящая наших врагов сила кировского слова...

Его убили предатели рабочего класса, бешеная и самая презренная сволочь вражеского лагеря. Слово Кирова все грозней и грозней возвещало об их позорном конце, о бесславной расплате. И в припадке страха и ненависти они убили его, они оборвали это живое слово...

Но он уже видел перед собой осуществление самых заветных мечтаний человечества, осуществление того, чему он отдал всю свою жизнь. Своим зорким взглядом он видел тот расцвет веселого и воодушевленного труда, который переживаем мы в эти дни могучего народного, героического стахановского движения. И он был уже в нашем сегодня, когда воскликнул: «Так хочется жить и жить...»

* * *

Мы идем мимо трибуны.

— Да здравствует... — говорит он.

И сильнее бьется сердце и горячее струится кровь. Он делает рукой навстречу нашим знаменам особенный кировский приветственный жест, короткий и стремительный, ведущий...

С какой жадностью и восторгом глядит он навстречу нашим знаменам и лицам... Он видит в них марширующие ему навстречу тысячелетия счастливого коммунистического человечества.

НА СЕССИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПАЛАТЫ

Финансовая политика Лаваля одобрена

(По телефону от парижского корреспондента «Правды»)

ПАРИЖ, 30 ноября. Вчера палата депутатов обсуждала финансовую политику правительства.

Финансовая программа компартии, предложенная ею в качестве программы народному фронту, была подробно развита тов. Торезом.

Разоблачив россказни буржуазной печати *о «равенстве жертв»* всех классов перед лицом чрезвычайных декретов, Торез охарактеризовал их как подготовку к обесценению франка. Политика компартии, говорил он, — это заставить платить богатых.

Торез конкретизировал эту политику: прогрессивное обложение всех капиталов свыше 500 тыс. франков, налог на доходы, контроль над Французским банком и ряд других мер. Торез связал эту финансовую программу с политическими требованиями: необходимостью покончить с фашистской угрозой, распустить палату и назначить новые выборы на основе пропорционального представительства.

Позиция социалистов была развита Винсент-Ориолем и дополнена речью Блюма.

Надо, предлагают они, обратиться к стране и назначить новые выборы. Социалисты не согласны с предложениями коммунистов. Они — за штопанье дыр в бюджете при помощи полумер дефляционного характера.

Какова позиция радикалов? Их вчера не было видно на трибуне парламента.

К радикалам главным образом была обращена заключительная речь Лаваля.

«Я взял власть в мае,—говорил он,— *когда вы побоялись это сделать.* Когда я ровно 5 месяцев назад потребовал от палаты чрезвычайных полномочий, вы знали, для какой финансовой политики я их использую. Есть ли у вас какая-нибудь другая программа, отличная от финансовой программы правительства? Тогда выйдите на эту трибуну, и пусть парламент выбирает. Если у вас такой программы нет, то скажите это своим голосованием».

Палата перешла к голосованию. Если позавчера правительство получило большинство, 345 против 225, то сегодня за резолюцию, одобряющую его финансовую политику, голосовало 324 против 247. Из 157 радикалов позавчера против правительства голосовали 57, вчера—73. Среди голосовавших против находятся такие вожди партии, как Даладье, Жамми-Шмидт, Герню, Пьер Кот.

Б. МИХАЙЛОВ.

В ПАРИЖЕ ЧЕСТВУЮТ ГЕРМАНСКОГО ФАШИСТА ЧАММЕРА

БЕРЛИН, 30 ноября. **(Соб. корр. «Правды»).** Прием, устроенный в Париже «франко-германским комитетом» в честь руководителя германских фашистских спортивных организаций Чаммера, вызвал большое удовлетворение в Берлине.

Газеты подчеркивают, что в числе почетных *гостей присутствовали видные* французские капиталисты, в том числе миллионер де-Вандель.

По сообщению «Дейче альгемейне цейтунг», сегодня Чаммер будет принят Лавалем.

К. Гофман.

ДЕЙСТВИЯ КИТАЙСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

ШАНХАЙ, 29 ноября. (ТАСС). Корреспондент агентства «Сентрал ньюс» сообщает, что части китайской красной армии под командованием Хо Луна и Сяо Ка прорвались из уезда Таоюань (близ Чанда в *провинции Хунань) и, переправившись* через реку Юань, вышли в район Аньхуа (расположенный в 95 милях к западу от Чанша, в провинции Хунань).

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА

Маршал Бадольо усиливает военную цензуру

ЛОНДОН, 30 ноября. (ТАСС). По сообщению «Таймс», в первый же день после прибытия нового командующего итальянскими вооруженными силами в Восточной Африке Бадольо в Асмару (Эритрея) он созвал иностранных журналистов и сообщил им, что в будущем условия цензуры будут гораздо более строгими.

Агентство Рейтер сообщает из Аддис-Абебы, что пока нет официального подтверждения слухов о занятии абиссинскими войсками Уал-Уала на южном фронте и Макале на северном фронте.

РИМ, 30 ноября. (ТАСС). Опубликовано сообщение о новой мобилизации. Мобилизуются запасные, родившиеся в 1910, 1911 и 1912 годах и приписанные к артиллерии.

Мракобесие итальянских фашистов

РИМ, 29 ноября. (ТАСС). Итальянское министерство печати и пропаганды запретило исполнение во всей Италии драматических, музыкальных и иных произведений, авторы которых являются гражданами стран, участвующих в санкциях. Исключение сделано только для двух английских авторов: Шекспира и Бернарда Шоу, для несколько большего числа французских авторов, точно не указанных, и для всех русских белогвардейских авторов.

Таким образом, Лев Толстой, Максим Горький, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский и другие отныне запрещены в Италии.

По всей Италии возобновилась, как по сигналу, антисоветская кампания. Вся печать возобновила печатание «рижских» уток о Советском Союзе.

РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА В ГЕРМАНИИ

СТОКГОЛЬМ, 29 ноября. (ТАСС). Берлинский корреспондент датской «Политикен» пишет:

«Недостаток продуктов и дороговизна, да к тому же рост безработицы оказывают все большее влияние на настроения населения. Наблюдается явный рост недовольства. На всех фабриках слышен ропот на плохое питание и в первую очередь на недостаток жиров, и этот ропот в последнее время усилился. Все чаще случается, что стоящих в очередях перед лавками прохожие «подбадривают» ироническими возгласами «гейль Гитлер» или «вперед, к Третьей империи».

Корреспондент отмечает, что в связи с повсеместным ростом недовольства среди рабочих германская тайная полиция за последние недели произвела массовые аресты рабочих в Берлине.

Далее корреспондент останавливается на *растущей напряженности и нервозности* внутри германской фашистской партии и в штурмовых и защитных отрядах. Между штурмовыми и защитными отрядами, пишет корреспондент, в последние дни имели место открытые столкновения, при чем были и убитые. Защитные отряды, по словам корреспондента, энергично требуют немедленного роспуска штурмовых отрядов.

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИЦИЯ РАССТРЕЛИВАЕТ КРЕСТЬЯН

ВАРШАВА, 30 *ноября.* (ТАСС). Польское телеграфное агентство сообщает о кровавых столкновениях крестьян с полицией, имевших место 29 ноября на дороге, ведущей в Опочно (Келецкое воеводство).

В сообщении отмечается, что крестьяне будто бы стреляли в полицию. Полиция ответила *залпом в толпу.* В результате стрельбы четверо крестьян убиты и несколько ранено. Среди крестьян произведены аресты.

Вчера на катке московского Центрального парка культуры и отдыха. Фото В. Гребнева и М. Калашникова.

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ В ПАРИЖЕ

Доклад О. Ю. Шмидта о завоевании Арктики

(По телефону от парижского корреспондента «Правды»)

ПАРИЖ, 30 ноября. Вчера в Институте океанографии Парижского университета советский академик Шмидт сделал доклад о завоевании Арктики.

В аудитории собрались профессора, масса студентов и представителей французской интеллигенции.

Тов. Шмидт был тепло встречен аудиторией. Он начинает свой доклад с этих отважных парусников, с экспедиций Баренца, Челюскина, рассказывает о последующих экспедициях Пири и Нансена. Он говорит о том, как советская власть сейчас же после Октябрьской революции занялась вопросом о помощи арктическим исследованиям, как интересовался этим делом Ленин, как был создан Арктический институт во главе с проф. Самойловичем.

Начиная с 1929 г., план советских арктических исследований стал составной частью 5-летнего плана. Вождь нашей страны товарищ Сталин, продолжает тов. Шмидт, всегда проявлял глубочайший интерес и принимал непосредственное участие в организации завоевания Арктики.

Тов. Шмидт рассказывает о создании при живейшем участии товарища Сталина Главного управления Северного морского пути.

С большим волнением выслушивает аудитория рассказ тов. Шмидта об эпопее челюскинцев.

Далее следует рассказ о переходе «Литке», о пути «Садко», о развитии советской арктической авиации, установившей 10 тыс. километров регулярных авиолиний в Арктике. И, наконец,—заключительная фраза докладчика, произнесенная с чувством гордости за советское отечество, с *сознанием долга, выполненного перед* человечеством:

— Северный морской путь установлен.

По окончании доклада французские профессора пожимают руку тов. Шмидту, поздравляя его с прекрасным докладом.

Б. Михайлов.

Иностранная хроника

✽ В Сен-Рафаэле (Франция) упал в море французский военный гидросамолет. Из 6 человек экипажа трое утонули, один тяжело ранен.

✽ Греческий король поручил образование нового кабинета лидеру прогрессистов Демерджису.

Юбилейная сессия ЦИК Армении

ВЫСТУПЛЕНИЕ М. И. КАЛИНИНА

ЭРИВАНЬ, 30 ноября. **(Спец. корр. «Правды»).** Вместительный зал оперного театра празднично убран. По стенам его тянутся кумачевые полотнища с лозунгами на армянском и русском языках.

На сцене и в зале присутствуют члены ЦИК Армении и многочисленные представители передовых колхозов, стахановцы, лучшие ударники, делегации фабрик и заводов. Вместе с ними разместились делегации трудящихся Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Крыма, Узбекистана, Туркменистана, Грузии, Азербайджана. В празднике Советской Армении принимают также участие делегации трудящихся армян Франции и Соединенных Штатов Америки.

Перед открытием заседания в президиуме появляется тов. Калинин. Его встречают бурными и долго не смолкающими аплодисментами и возгласами:

— Да здравствует соратник великого Сталина тов. Калинин!

Открывая юбилейную сессию, председатель ЦИК Армении тов. Мартикян произносит вступительную речь.

Сессия единогласно избирает в почетный президиум членов Политбюро ЦК ВКП(б), *товарищей Тельмана,* Димитрова, Берия и Мусабекова. При упоминании имени Сталина долго гремят овации и раздаются возгласы: «Да здравствует великий вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин!»

С большим ярким докладом о социалистическом строительстве Советской Армении за 15 лет выступил секретарь ЦК компартии Армении товарищ Ханджян.

Доклад окончен. Председательствующий *предоставляет слово тов. Калинину. Восторженно* приветствуемый, Михаил Иванович говорит об успехах ленинско-сталинской национальной политики.

После речи Михаила Ивановича сессия заслушала приветствия делегаций братских республик, рабочих, колхозников и пионеров.

А. НАЗАРОВ.

ТЕЛЕГРАММА ВОРОШИЛОВГРАДЦЕВ тов. К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Москва, Наркомат обороны, тов. ВОРОШИЛОВУ

С большой радостью сообщаем Вам, дорогой Климент Ефремович, о серьезном успехе пролетариев Ворошиловграда. 28 ноября досрочно выполнен годовой план—транспорт получил 470 сверхмощных «Феликсов» против 180 в прошлом году.

Выполняя мудрые указания товарища Сталина о стахановском движении, к концу года дадим сверх плана 50 паровозов «ФД», а также 34 «ЭМ».

Будем достойны великого земляка, чье имя с гордостью носит наш город.

Директор завода ШЕЙНМАН.
Секретарь горпарткома ШАЦ.
Секретарь завпарткома МАКСИМОВ.
Предзавкома ГЛИНКОВ.

Ликвидация эстонской шпионской организации

ЛЕНИНГРАД, 30 ноября. (ТАСС). На-днях здесь была ликвидирована крупная шпионская организация эстонской разведки, созданная агентом-диверсантом Кивисяк Августом, систематически переходившим по заданию разведки нелегально на нашу территорию.

16 сентября Кивисяк,—при попытке его задержания в Лядском районе Псковского округа — оказал вооруженное сопротивление, убил фельд'егеря Псковского окружного отдела НКВД, и в результате перестрелки был убит сам. При Кивисяке обнаружено два револьвера, 100 шт. патрон, эстонские и советские деньги и шпионские материалы.

По этому делу в Лядском и Лужском районах, а также в Ленинграде, арестован ряд лиц — агентов Кивисяка, в том числе пять эстонцев — советских граждан, являвшихся непосредственными помощниками Кивисяка.

Организация занималась собиранием шпионских материалов по Ленинградскому, Лужскому, Новгородскому и Псковскому гарнизонам РККА. Организация состояла из эстонцев, родственников Кивисяка, бывших белобандитов и кулаков, вербовавшихся к моменту их призыва в РККА или даже в период их пребывания в армии.

Следствие продолжается.

Встреча зимы

День отдыха в Москве вчера был ознаменован открытием парков: конькобежцы встречали зиму. Центральный парк культуры и отдыха им. Горького превратился в сплошной каток. Залиты водой и заморожены аллеи, площади, набережные Москва-реки.

Каждый приходящий в парк находит здесь свой уголок. На катке для начинающих—взрослых людей учат стоять, ходить, бегать по льду, как учат двигаться по земле годовалых ребят. Специальный каток отведен для мастеров, виртуозов, для тех, кто достиг конькобежного совершенства. Здесь организуются товарищеские состязания, здесь тренируются чемпионы. На катке для детей школьники бегают и катаются не хуже взрослых.

В центре парка создан так называемый ледяной паркет, — здесь вечером танцуют. Лед художественно орнаментирован и окрашен в розовый и зеленый цвета. Когда зажигаются огни, кажется, что лед светится изнутри и становится как бы прозрачным. Парк *прекрасно иллюминован.*

В первый же день в парке было свыше двадцати тысяч конькобежцев.

НАГРАЖДЕНИЕ СТРОИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОГО ТЕАТРА

РОСТОВ-на-ДОНУ, 30 ноября. (ТАСС). Краевой исполнительный комитет и Ростовский городской совет наградили строителей театра им. М. Горького—директора театра тов. Стамблера и главного инженера Каныгина—легковыми автомашинами. Премированы также 50 рабочих, инженеров и техников—строителей театра.

В день открытия театра получены приветственные телеграммы от тт. Бубнова, Шкирятова, Буденного, Шмидта, Молокова, Яблочкиной, Барсовой, Качалова, Книппер-Чеховой, Алексея Толстого, Эренбурга.

ЗАТОНУЛО СУДНО «ПЯТЕРКА»

СЕВАСТОПОЛЬ, 30 ноября. (ТАСС). Во время шторма в 10—12 милях от Бердянска затонуло судно «Пятерка». На место аварии выехала спасательная группа черноморского отряда Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН).

МАТЧ НА ЖЕНСКОЕ ШАХМАТНОЕ ПЕРВЕНСТВО СССР

В Москве начался 28 ноября матч на женское шахматное первенство СССР между чемпионом СССР Семеновой (Ленинград) и чемпионом профсоюзов Рубцовой (Москва). Две первые партии выиграла Рубцова. Третья партия матча играется сегодня.

ПРОИСШЕСТВИЯ

✽ **Ошибка в сберегательной кассе.** 27 ноября кассир-счетчик 96-го отделения Дзержинской районной сберкассы (Кузнецкий Мост) тов. П. В. Тензинг-Павлова при подсчете и раскладке большой суммы денег совершила ошибку: на пачку, содержавшую 2.000 рублей, она наклеила бандероль «3.000 рублей», а на пачку, содержавшую 3.000 рублей, наклеила надпись «2.000 рублей». В тот же день сосчитанные и распределенные по пачкам деньги были доставлены в Городское управление сберегательных касс (Настасьинский переулок) и там розданы кассирам разных учреждений.

Клиент, получивший пачку, в которой против обозначенной суммы нехватало 1.000 рублей, заявил об этом в сберкассу, и ему недостающая сумма была доплачена. Кому же досталась пачка, содержавшая *лишнюю 1.000 рублей? Этот клиент до* сих пор не явился. О происшедшем составлен акт.

✽ **Пожар.** Вчера вечером загорелся материальный склад строительства театра им. Станиславского на Большой Дмитровке. Во время пожара взорвался баллон с кислородом. От взрыва побиты стекла в соседних домах на Большой Дмитровке и Козицком переулке. Причины пожара выясняются.

МЕТАЛЛ ЗА 28 НОЯБРЯ

(В тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	37,5	35,0	93,4
СТАЛЬ	38,5	36,5	94,8
ПРОКАТ	28,0	30,4	108,6

УГОЛЬ ЗА 28 НОЯБРЯ

(В тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	368,1	341,6	92,8
ПО ДОНБАССУ	236,1	210,1	89,0

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

29 ноября

Дороги	Начальники дорог	Процент выполнения плана погрузки	Выполнение норм обмена вагонами в %: Принято с соседних дорог	Выполнение норм обмена вагонами в %: Сдано соседн. дорогам	Процент обеспечения вагонами
Северная	Амосов	111	114	92	117
Азово-Черном.	Осипов	115	116	90	115
М.-Бел.-Балт.	Русанов	147	97	102	147
Окружная	Шрамко	201	108	117	163
Юго-Западная	Зорин	107	119	113	129
Забайкальская	Друсние	133	111	54	131
Курская	Дьянов	109	104	105	127
Восточносибир.	Гопышев	123	101	100	132
Октябрьская	Синев	127	93	107	132
Кировская	Ледник	110	86	83	95
Закавказская	Розенцвейг	130	63	82	123
Западная	Жуков	115	103	101	138
Оренбургская	Подшивалин	138	99	102	203
Донецкая	Левченко	86	100	96	102
Казанская	Кучмин	93	94	96	109
Южная	Шушнов	112	94	92	136
Северокавказ.	Маевский	108	86	118	162
Среднеазиатск.	Прокофьев	116	95	83	123
Рязано-Урал.	Кавтарадзе	99	74	70	115
Екатерининск	Билик	98	93	101	188
Турксиб	Четвергов	136	51	85	151
Уссурийская	Лемберг	104	29	292	104
Юго-Восточная	Житнов	92	86	96	114
Москва-Донб.	Емшанов	95	106	101	153
Пермская	Шахгильдян	95	96	90	132
Томская	Миронов	68	94	74	131
Южно-Уральск.	Князев	96	83	88	164
Сам.-Златоуст.	Ковылкин	66	93	88	158
Омская	Уланов	65	66	78	135

Погружено всего: 75.218 ваг. 102,3
Разгружено » 70.621 »

Н. НИКИТИН

КИРОВ-ПОРТ

1930 год. Ночь. Норд-вест. Растет вода. На рейде порта суда заняли все причалы. Порт завален. Лес лежит желтыми пакетами на палубах, площадках, он *покрывает пути, вагоны, плывет в баржах,* покачивается в плашкоутах. Его надо принять, рассортировать, разложить и наполнить им прожорливые трюмы пароходов.

...Через ворота порта на шоссе выехала машина. Свернув налево, она подошла к полуосвещенному под'езду старого кирпичного *здания.*

Невысокий, коренастый человек вошел в здание. В полутемных коридорах пахло треской. Он поднялся во второй этаж. Там в кабинете горел свет. За письменным столом работал начальник порта.

Приезжий остановился на середине комнаты, *огляделся на все стороны.* Начальник порта Бронштейн вскочил из-за стола. Гость, в расстегнутом желтом плаще, в фуражке военного образца, продолжал стоять спокойно, потом, показав пальцем на стену, где висел его портрет, ухмыльнулся:

— Ишь, как разрисовали, чорт возьми.

Киров всегда приезжал неожиданно. Он сел в кресло и, постучав ладонью по краю письменного стола, спросил, слегка нахмурив брови:

— Ну? Позор ведь, а не навигация! Не учли, как резко возрастет грузооборот? Разве пятилетка только на суше, а на море нет пятилетки?

Он говорил совершенно спокойно, не жестикулируя, не повышая голоса.

— *Чорт твою душу знает...* Вот у тебя Вольные острова, там же не пройти, не проехать. Ухабы, рытвины... Идет носак с грузом на плечах и спотыкается. Каталь везет тачку по случайно набросанным доскам. В чем дело? Досок сколько угодно, бревен сколько угодно... Неужели нельзя *соорудить приспособления? Они облегчили* бы труд и повысили бы производительность.

— Завтра сделаем.

— А зачем откладывать на завтра? И почему темно? Это при царском хозяйстве можно было с сумерками кончать работу и запирать лавочку. А сейчас мы не имеем права платить валюту иностранцам за *простой. Порт должен быть освещен* лучше, чем Невский! Здесь работают! Это раз... А, во-вторых, когда иностранцы идут с моря, пусть порт сверкает им навстречу. Понимаешь? Ведь это не просто порт, это — живая политика, стык двух государственных систем.

Киров встал и подошел к окну. Глядя на бесконечный черный простор, он замечтался. В открытую форточку с моря врывался крик кораблей. Бронштейн спросил, нельзя ли организовать субботники, нужна быстрая и решительная помощь...

Полуобернувшись и как бы еще думая о своем, Киров быстро повторил:

— Субботники? Да, да, да... Но это одно! А переустройство — другое! Порт должен стать советским...

Он с особенным вкусом сказал это слово.

— С новыми дорогами! С новыми механизмами!

Отойдя от окна, еще раз мельком посмотрев на расстилавшуюся перед ним панораму города и, как бы сожалея, что ему *приходится оторвать от нее взгляд,* он тихо добавил:

— Много ли в нашей стране портовых городов? Порт — это гордость Ленинграда, его лицо! Понимаешь?

* * *

Тютин был назначен секретарем парткома.

Разглаживая на столе бумаги, приводя в порядок свой стол, Киров медленно говорил:

— Прежде всего наметь расстановку партийных сил... Не думай, что крепких людей надо ставить только на ответственные участки. В таком *сложном* хозяйстве, как порт, ответственно все! Затем вместе с Бронштейном еще раз проверь инженеров. Мне кажется, самые слабые там на причалах, на складах, у механизмов, а самые сильные в кабинетах. Окружи себя активом из лучших инженеров. Через них ты будешь в курсе всех событий... Главное: всюду бывать! Всюду! У инженеров, грузчиков, матросов, *уборщиц! Ты обязан* знать о нуждах и настроениях каждого. И потом... Вот что, Тютин! Порт для тебя дело новое, правда?

Он внимательно посмотрел на собеседника.

— Книжечек раздобудь! Журналы! Почитай... Не стесняйся спрашивать... Учись у знающих.

Киров улыбнулся.

— Ну, а партийно-массовая работа здесь совсем особая. В порту ярче, чем где бы то ни было, размах социалистической стройки. Пользуйся этим, указывай. Помни, каждая мелочь в жизни может агитировать, если только ее умело подать! Вот, скажем, сейчас мы ввозим много тяжелых машин, а пройдет год или два, и мы их почти перестанем ввозить. А еще через несколько лет пойдут за границу наши изделия, наши станки.

* * *

В январе 1931 года взморье покрылось льдом толщиной в несколько футов. У стенок еще стояли корабли. Шла погрузка леса и генерального экспорта. Загрузив в течение первой декады января свыше сорока пароходов, преодолев одну трудность, порт попал в другую, не менее тяжелую. Скопилось больше 70 кораблей, готовых к отправке. Их следовало бы немедленно вывести в Балтийское море за кромку льда. Промедление грозило валютными убытками. Стоимость простоя намного превышала стоимость погруженного в них экспорта.

В кабинете начальника порта состоялось совещание. Обратились к старым ледокольщикам. Они беспомощно разводили руками. *Как сразу освободить порт от такого огромного* количества судов? В практике, освященной десятилетиями, ледокол мог провести одновременно не более пяти или семи пароходов. На эту проводку обычно тратились недели. Если работать по-старому, то последний караван судов ушел бы из *порта только весной.*

Сергей Миронович звонил в порт и днем и ночью, справляясь о положении дел и как бы подсказывая, что остается один выход: поступить по-большевистски... То-есть сломать старую практику и на ее месте создать новое, свое.

В таких условиях родилась идея большого каравана. Было предложено дать нагрузку *«Красину» в три или в четыре* раза больше, чем всегда. Решили поручить ему проводку сразу тридцати шести судов.

Это означало, что караван должен был растянуться на несколько миль, что связь между судами могла осуществляться главным образом по радио. Но не все корабли *имели радиоаппараты.* Кроме того, «Красин», разбросав свой караван в огромном районе ледяных полей, рисковал не только растерять их, но и погубить.

Старики-ледокольщики категорически отказались экспериментировать. Бронштейн собрал партийцев и вместе с ними разработал *идею похода.* А утром он уже сидел в Смольном, в кабинете Сергея Мироновича и об'яснял ему план, не скрывая от него тех трагических сюрпризов, от которых трудно уберечься.

Сергей Миронович слушал очень внимательно. Видно было, что его самого увлекает остроумный, *но рискованный проект.*

— Все ли учтено?

— Все, что могли.

Киров медленно расхаживал по кабинету, чувствуя, что все зависит от его решения, что весь этот риск ему нужно взять на себя, поверив в энтузиазм партийцев-ледокольщиков. Но если бы дело касалось только личного риска... Здесь затрагивается престиж государства. Он уже предвидел, как заграничная печать использует возможные неудачи...

Киров еще раз осведомился о том, по-настоящему ли верят люди в осуществление этого проекта. И, выслушав ответ, как бы про себя сказал начальнику порта:

— Ты поведешь караван...

А через пятнадцать дней все 36 пароходов были выведены за Ревель на чистую воду. «Красин» вместе с частью каравана вошел в Ревельский порт. Власти растерялись, не зная, как принять такое количество пароходов.

* * *

За два года *сильно вырос порт...* Появились новые склады, механизмы. Легли асфальтовые дороги. Стенки причалов вместо деревянных свай покрылись бетоном. Количество столовых дошло до пятидесяти, построено два городка и два холодильника, лучшие в СССР.

Простой по вине порта резко упал, и невероятно вырос диспач.

— *Опять премия? Я тридцать пять лет* посещаю ваш порт и никогда не видел ничего подобного, — заявил, несколько сморщившись, один из иностранных капитанов. — Кому вы обязаны этим?

— Кирову, — улыбаясь, отвечали портовики.

Но Сергей Миронович не успокаивался и на одном из заседаний пленума обкома сказал:

— Мы добились того, что наш порт стал лучшим в Советском Союзе. Но этого мало. Он должен стать лучшим в мире.

* * *

Была весна. Киров на машине об'езжал порт.

Он внимательно вглядывался в каждую мелочь, как бы сравнивая прошлое этого порта с тем, что видит сейчас. Весело щурясь, он любовался его богатой оснащенностью. Вдруг показались какие-то пустыри, лужи. Он вздохнул.

— А что, товарищи, если бы посадить здесь цветы? А? Ты уснул Бронштейн?

— Да ведь ты, Сергей Миронович, лучше моего знаешь, когда что надо!..

Киров обернулся к Тютину.

— Видал? А ты как смотришь на это? Должно быть, тоже думаешь: «Ну и нежные пошли секретари обкомов!» Да?

Он лукаво подмигнул.

Дальше ехали молча.

Машина двигалась по асфальту. Зажигались сигнальные огни на кораблях, на рейде, в гавани. В теплом и влажном воздухе отчетливо доносились свистки паровозов, позывные буксиров, шум работы. Сергей Миронович сидел, откинувшись на спину, отдыхая от многотрудного дня. Он задумался. Потом скользнула сеть морщинок около глаз, и он сказал, как будто отвечая самому себе:

— А хорошая вещь — цветы... Право!

Потом прибавил:

— А еще лучше, что подоспело такое времечко, когда можно подзаняться цветами.

С моря виднелся оранжевый дым пароходов. Прощаясь у ворот, он улыбнулся своим спутникам:

— Ну? Не забудете про цветы?..

Уполномоч. Главлита № В—32497. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 984.